русские народные сказки

русские народные сказки

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1981

РФ
Р89
ББК82.3р-6

Тексты сказок печатаются
по изданиям:

Хрестоматия по детской литературе. Учебное пособие для дошкольных педучилищ. Сост. М. К. Боголюбская, А. Л. Табенкина. М., «Просвещение», 1970.

Русские народные сказки. Сост., вступ. статья и примеч. В. П. Аникина. М., «Дет лит.», 1976.

Хрестоматия по фольклору. Книга для школьников. Сост. и автор поясн. статей Ф. М. Селиванов. М., «Просвещение», 1972.

На Буяне, славном острове. Сб. рус. фольклора. Сост. и обр. Н. Колпаковой. Л., «Дет. лит.», 1976.

Художник Т. В. Ковалева

Р $\frac{70700\text{-}10}{М150(03)\text{-}81}$ 23-81 ИБ № 300

© Мурманское книжное издательство,
составление, оформление 1981

КУРОЧКА РЯБА

Жили себе дед да баба.
Была у них курочка ряба.
Снесла курочка яичко.
Яичко не простое —
Золотое.
Дед бил, бил —
Не разбил.
Баба била, била —
Не разбила.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула,
Яичко упало
И разбилось.
Дед и баба плачут,
Курочка кудахчет:
«Не плачь, дед, не плачь, баба!
Я снесу вам яичко другое.
Не золотое — простое».

РЕПКА

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая.

Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабку. Бабка за дедку, дедка за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка кошку. Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула кошка мышку. Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, — тянут-потянут, вытащили репку!

ТЕРЕМОК

Ехал мужик с горшками и потерял один горшок. Прилетела муха-горюха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

Видит — никого нет. Она залетела в горшок и стала там жить-поживать.

Прилетел комар-пискун и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха. А ты кто?

— Я комар-пискун.

— Ступай ко мне жить.

Вот они стали жить вдвоём.

Прибежала мышка-погрызуха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун. А ты кто?

— Я мышка-погрызуха.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить втроём.

Прискакала лягушка-квакушка и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха. А ты кто?
— Я лягушка-квакушка.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить вчетвером.
Бежит зайчик и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить впятером.
Бежала мимо лиса и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок. А ты кто?
— Я лиса — при беседе краса.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить вшестером.
Прибежал волк:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Я, лиса — при беседе краса. А ты кто?
— Я волк-волчище, из-за куста хватыш.
— Ступай к нам жить.
Вот живут они семеро все вместе — и горя мало.
Пришёл медведь и стучится:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Я, лиса — при беседе краса.

— Я, волк-волчище, из-за куста хватыш. А ты кто?

— Я вам всем пригнётыш.

Сел медведь на горшок. Горшок раздавил и всех зверей распугал.

ПЕТУШОК И БОБОВОЕ ЗЁРНЫШКО

Жили-были петушок и курочка. Петушок всё торопился, всё торопился, а курочка знай себе приговаривает:

— Петя, не торопись. Петя, не торопись.

Клевал как-то петушок бобовые зёрнышки да второпях и подавился. Подавился, не дышит, не слышит, словно мёртвый лежит.

Перепугалась курочка, бросилась к хозяйке, кричит:

— Ох, хозяюшка, дай скорей маслица, петушку горлышко смазать: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Беги скорей к коровушке, проси у неё молока, а я ужо собью маслица.

Бросилась курочка к корове:

— Коровушка, голубушка, дай скорей молока, из молока хозяюшка собьёт маслица, маслицем смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Ступай скорей к хозяину. Пусть он принесёт мне свежей травы.

Бежит курочка к хозяину:

— Хозяин-хозяин! Дай скорей коровушке свежей травы, коровушка даст молочка, из молочка хозяюшка собьёт маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Беги скорей к кузнецу за косой.

Со всех ног бросилась курочка к кузнецу:

— Кузнец, кузнец, дай скорей хозяину хорошую косу. Хозяин даст коровушке травы, коровушка даст молока, хозяюшка даст мне маслица, я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

Кузнец дал хозяину новую косу, хозяин дал коровушке свежей травы, коровушка дала молока, хозяюшка сбила масла, дала маслица курочке.

Смазала курочка петушку горлышко. Бобовое зёрнышко проскочило. Петушок вскочил и во всё горло закричал: «Ку-ка-ре-ку!»

КОЛОБОК

Жил-был старик со старухой. Вот и просит старик:

— Испеки мне, старая, колобок.

— Да из чего испечь-то? Муки нет.

— Эх, старуха, по амбару помети, по сусечкам поскреби — вот и наберётся.

Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала в колобок, изжарила его в масле и положила на окно простыть.

Надоело колобку лежать: он и покатился с окна на завалинку, с завалинки — на травку, с травки — на дорожку — и покатился по дорожке.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Заяц уши поднял, а колобок запел:

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл:
От тебя, зайца, не хитро уйти.

И покатился колобок дальше — только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу, а навстречу ему серый волк:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, серый волк: я тебе песенку спою.

И колобок запел:

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл:
А от тебя, волка, не хитро уйти.

Покатился колобок дальше — только его волк и видел.

Катится колобок по лесу, а навстречу ему медведь идёт, хворост ломает, кусты к земле гнёт:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Ну, где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай, какую я тебе песенку спою.

Колобок запел, а Миша и уши развесил:

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл:
От тебя, медведь, полгоря уйти.

И покатился колобок — медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса:

— Здравствуй, колобок! Какой же ты пригоженький, румяненький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку, а лиса слушает да всё ближе подкрадывается.

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл:
От тебя, лиса, не хитро уйти.

— Славная песенка! — сказала лиса. — Да то беда, голубчик, что я стара стала — плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой ещё разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили, прыгнул лисе на морду да и запел:

— Я колобок, колобок!..

А лиса его — гам! — и съела.

ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избушка ледяная, а у зайчика лубяная *. Пришла весна — у лисицы избушка-то и растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась к зайчику погреться да его из избушки-то и выгнала. Идёт зайчик и плачет, а навстречу ему собаки.

— О чём, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, у неё избушка растаяла — она и попросилась ко мне погреться да и выгнала меня.

— Не плачь, зайчик,— говорят собаки,— мы её выгоним.

Пошли к избушке.

— Ав-ав-ав! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну — пойдут клочки по заулочкам!

Собаки испугались и убежали.

Сел зайчик под кустик и плачет. Идёт мимо медведь.

— О чём, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, избушка у лисы и растаяла. Она попросилась ко мне погреться да меня и выгнала...

— Не плачь, зайчик, — говорит медведь, — я её выгоню.

— Нет, медведь, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошли к избушке. Медведь как заревёт:

— Поди, лиса, вон!

А она ему с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну — полетят клочки по заулочкам!

Медведь испугался и ушёл.

Сидит зайка под кустиком и плачет. Идёт мимо петушок, золотой гребешок, и косу на плече несёт. Увидел зайчика и спрашивает:

---

* Лубяная — деревянная.

— Что ты, зайка, плачешь?

— Как мне не плакать, — говорит зайка. — Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Её избушка растаяла. Попросилась она ко мне погреться да меня из избушки-то и выгнала...

— Пойдём, я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь.

— А я выгоню, пойдём!

Подошли к избушке. Петух и запел:

— Ку-ка-ре-ку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи. Ступай, лиса, вон!

А лиса-то испугалась. Говорит:

— Одеваюсь...

— Ку-ка-ре-ку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи. Поди, лиса, вон!

А она говорит:

— Шубу надеваю...

Петух в третий раз как закричит:

— Ку-ка-ре-ку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи. Ступай, лиса, вон!

Она и выскочила из избушки, в лес убежала. И стал зайчик опять жить в своей избушке.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студёную. Как только уйдёт — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдёт в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поёт коза.

Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритеся,
Отворитеся,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытца водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим, да не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошёл он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал.

Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придёт к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберёт всего, что я вам причитываю, дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять к избушке, постучал и начал причитать тонюсеньким голосом:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избушку и всех козлят съел. Только один козлёнок схоронился в печке.

Приходит коза: сколько ни звала, ни причитывала, никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козлёночка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдём лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костёр горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму.

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, волк прыгнул да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлятки оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! И стали они жить-поживать по-прежнему.

МАША И МЕДВЕДЬ

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.

Собрались раз подружки в лес — по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.

— Дедушка, бабушка, — говорит Машенька,— отпустите меня в лес с подружками!

Дедушка с бабушкой отвечают:

— Иди, только смотри, от подружек не отставай — не то заблудишься.

Пришли девочки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька — деревцо за деревцо, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек.

Стала она аукаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются.

Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась.

Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит: стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась.

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку.

Села и думает: «Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?..»

А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил.

Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.

— Ага, — говорит, — теперь не отпущу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдёт в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки не выходить.

— А если уйдёшь, — говорит, — всё равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого...

Думала она, думала и придумала.

Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

— Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

— Нет, — говорит медведь, — ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу.

А Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю:

— Вот смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

— Ладно, — отвечает медведь, — давай короб!

Машенька говорит:

— Выйди на крылечко, посмотри: не идёт ли дождик!

Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блюдо с пирожками поставила.

Вернулся медведь, видит: короб готов. Взвалил его на спину и пошёл в деревню.

Идёт медведь между ёлками, бредёт медведь между берёзками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шёл-шёл, устал и говорит:

Сяду на пенёк,
Съем пирожок!

А Машенька из короба:

Вижу, вижу!
Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

— Ишь какая глазастая, — говорит медведь, — всё видит!

Поднял он короб и пошёл дальше. Шёл-шёл, шёл-шёл, остановился, сел и говорит:

Сяду на пенёк,
Съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

Вижу, вижу!
Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

Удивился медведь:

— Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит! Встал и пошёл скорее.

Пришёл в деревню, нашёл дом, где дедушка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

— Тук-тук-тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принёс.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

Вышли тут дедушка да бабушка к воротам. Видят: короб стоит.

— Что это в коробе? — говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит и глазам своим не верит: в коробе Машенька сидит — живёхонька и здоровёхонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей называть.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Жили-были бабушка-старушка, внучка-хохотушка, курочка-клохтушка и мышка-норушка.

Каждый день ходили они за водой. У бабушки были вёдра большие, у внучки — поменьше, у курочки — с огурчик, у мышки — с напёрсточек.

Бабушка брала воду из колодца, внучка — из колоды *, курочка — из лужицы, а мышка — из следа от поросячьего копытца.

Назад идут, у бабушки вода трё-ё-х, плё-ё-х! У внучки — трёх! плёх! У курочки — трёх-трёх! плёх-плёх! У мышки — трёх-трёх-трёх! плёх-плёх-плёх!

Вот раз наши водоносы пошли за водой. Воды набрали, идут домой через огород.

А в огороде яблонька росла, и на ней яблоки висели. А под яблонькой зайка сидел. Налетел на яблоньку ветерок, яблоньку качнул, яблочко хлоп — и зайке в лоб!

Прыгнул зайка, да прямо нашим водоносам под ноги.

Испугались они, вёдра побросали и домой побежали. Бабушка на лавку упала, внучка за бабку спряталась, курочка на печку взлетела, а мышка под печку схоронилась. Бабка охает: «Ох! Медведище меня чуть не задавил!»

Внучка плачет: «Бабушка, волк-то какой страшный на меня наскочил!»

Курочка на печке кудахчет: «Ко-ко-ко! Лиса ведь ко мне подкралась, чуть не сцапала!»

А мышка из-под печки пищит: «Котище-то какой усатый! Вот страху я натерпелась!»

А зайка в лес прибежал, под кустик лёг и думает: «Вот страсти-то! Четыре охотника за мной гнались, и все с собаками; как только меня ноги унесли!»

Верно говорят: «У страха глаза велики: чего нет, и то видят».

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

В лесу, в маленькой избушке, жили-были кот да петух. Кот рано утром вставал, на охоту ходил, а Петя-петушок оставался дом стеречь. Уйдёт кот на охоту,

---

* Колода — бревно с выдолбленной серединой.

а петушок всё в избушке приберёт, пол чисто подметёт, вскочит на жёрдочку, песни поёт и кота ждёт.

Бежала как-то лиса, услыхала, как петух песни поёт, захотелось ей петушиного мяса попробовать. Вот она села под окошко да и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок выглянул, а она его цап-царап — схватила и понесла.

Петушок напугался, закричал:

— Несёт меня лиса за тёмные леса, за высокие горы. Котик-братик, выручи меня!

Кот недалеко был, услыхал, помчался за лисой что было силы, отнял петушка и принёс его домой.

На другой день собирается кот на охоту и говорит петушку:

— Смотри, Петя, не выглядывай в окошко, не слушай лису, а то она тебя унесёт, съест и косточек не оставит.

Ушёл кот, а Петя-петушок в избушке всё прибрал, пол чисто подмёл, вскочил на жёрдочку — сидит, песни ноёт, кота ждёт.

А лиса уж тут как тут. Опять уселась под окошком и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок слушает и не выглядывает. Лиса бросила в окошко горсть гороху. Петушок горох склевал, а в окно не выглядывает. Лиса и говорит:

— Что это, Петя, какой ты гордый стал? Смотри, сколько у меня гороху, куда же мне его девать?

Петя и выглянул, а лиса его цап-царап — схватила и понесла. Петушок испугался, закричал:

— Несёт меня лиса за тёмные леса, за высокие горы. Котик-братик, выручи меня!

Кот хоть далеко был, а услыхал петушка. Погнался за лисой что было духу, догнал её, отнял петушка и принёс его домой.

На третий день собирается кот на охоту и говорит:

— Смотри, Петя, я сегодня далеко на охоту пойду, и кричать будешь — не услышу. Не слушай лису, не выглядывай в окошко, а то она тебя съест и косточек твоих не оставит.

Ушёл кот на охоту, а Петя-петушок всё в избушке прибрал, пол чисто подмёл, на жёрдочку вскочил и сидит, песни поёт, кота ждёт.

А лиса опять тут как тут. Сидит под окошком, песенку поёт.

А Петя-петушок не выглядывает. Лиса и говорит:

— Ах, Петя-петушок, что сказать тебе хочу. За тем и торопилась. Бежала я по дороге и видела: мужики ехали, пшено везли; один мешок худой был, всё пшено по дороге рассыпано, а подбирать некому. Из окна видать, вот погляди.

Петушок поверил, выглянул, а она цап-царап — схватила и понесла. Как петушок ни плакал, как ни кричал — не слыхал его кот, и унесла лиса петушка к себе домой.

Приходит кот домой, а петушка-то и нет. Погоревал, погоревал кот, делать нечего. Надо идти выручать товарища, наверное, его лиса утащила.

Пошёл кот вначале на базар, купил там себе сапоги, синий кафтан, шляпу с пером да музыку — гусли. Настоящий музыкант стал. Идёт кот по лесу, играет в гусельки и поёт:

Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки,
Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки.

Зверп в лесу дивятся — откуда у нас такой музыкант появился. А кот ходит, поёт, а сам всё лисий дом высматривает.

И увидел он избушку, заглянул в окошко, а там лиса печку топит. Вот котя-коток встал на крылечко, ударил в струнушки и запел:

Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки,
Дома ли лиса?
Выходи, лиса!

Лиса слышит, кто-то её зовёт, а выйти посмотреть некогда — блины печёт. Посылает она свою дочку Чучелку:

— Ступай, Чучелка, посмотри, кто меня там зовёт.

Чучелка вышла, а котя-коток её стук в лобок да за спину в коробок. А сам опять играет и поёт:

Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки,
Дома ли лиса?
Выходи, лиса!

Слышит лиса, кто-то её вызывает, а отойти от печки не может — блины сгорят. Посылает другую дочку — Подчучелку.

— Ступай, Подчучелка, посмотри, кто меня там зовёт.

Подчучелка вышла, а котя-коток её стук в лобок да за спину в коробок, а сам опять поёт:

Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки,
Дома ли лиса?
Выходи, лиса!

Самой лисе нельзя от печки уйти и послать некого — один петушок остался. Собиралась она его щипать да жарить, и говорит лиса петушку:

— Ступай, Петя, погляди, кто меня там зовёт, да скорей назад возвращайся!

Петя-петушок выскочил на крыльцо, а кот схватил его, бросил коробок да и понёсся домой что было мочи.

С тех пор опять кот да петух живут вместе, а лиса уж больше к ним и не показывается.

ДЕВОЧКА И ЛИСА

Жили-были старик со старухой. У них была внучка Алёпушка.

Собрались подружки идти в лес по ягоды и пришли её звать с собой. Долго старики не отпускали внучку. Потом согласились, только приказали ей не отставать от подруг.

Ходят девушки по лесу, собирают ягоды. Деревцо за деревцо, кустик за кустик, Алёнушка и отстала от подруг. Они аукали её, аукали, а девочка не слыхала.

Уже стало темно. Подружки ушли домой. Осталась Алёнушка одна. Влезла на дерево, стала горько плакать, приговаривать:

— Ау! ау! Алёнушка! Ау! ау! голубушка. У дедушки, у бабушки была одна внучка Алёнушка. Её девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

Идёт медведь и спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, батюшка-медведюшка, не плакать? Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу!

— Нет, я тебя боюсь: ты меня съешь.

Медведь и ушёл от неё. А Алёнушка опять принялась плакать, приговаривать:

— Ау! ау! Алёнушка. Ау! ау! голубушка.

Идёт волк и спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, волк, не плакать? Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу!

— Нет, я тебя боюсь: ты меня съешь.

Волк убежал, а девочка опять плачет, причитает:

— Ау! ау! Алёнушка. Ау, ау! голубушка.

Бежит мимо лиса, спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, лисонька, не плакать? Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу!

Девочка с дерева сошла, села на спину к лисе, и помчалась лиса с ней на деревню. Прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку.

— Кто там?

— Это я, лиса, принесла вам внучку Алёнушку.

— Ах ты, наша дорогая, войди в избу. Где нам тебя посадить? Чем тебя угостить?

Принесли молока, яиц. Не знают, чем лису и потчевать. Наелась лиса и убежала в лес.

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Подружилась лиса с журавлём и зовёт его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой. Уж вот как я тебя угощу!

Пришёл журавль на званый обед, а лиса наварила манной каши, размазала по тарелке и потчует журавля:

— Кушай, куманёк, кушай, голубчик! Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом по тарелке, стучал-стучал — ничего не попадает. А лиса лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала. Съела лиса кашу и говорит:

— Не обессудь, кумапёк, больше потчевать нечем.

— Спасибо, кума, и на этом, — отвечает журавль. — Приходи завтра ко мне.

На другой день приходит лиса к журавлю, а жу-

равль наготовил окрошки, налил в высокий кувшин с высоким горлышком, поставил на стол и потчует:

— Кушай, кумушка, кушай, милая! Право, больше потчевать нечем.

Вертится лиса вокруг кувшина: и так зайдёт, и этак, и лизнёт-то кувшин, и понюхает — всё ничего не достанет. А журавль стоит на своих высоких ногах да длинным носом окрошку из кувшина таскает. Клевал да клевал, пока всё не съел.

— Ну, не обессудь, кумушка, больше угощать нечем.

Пошла лиса домой не солоно хлебавши. На этом у них и дружба с журавлём кончилась.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И СЕРЫЙ ВОЛК

Проголодалась лиса, бежит по дороге и смотрит по сторонам: нельзя ли где-нибудь поживиться. Видит она, везёт мужик на санях мёрзлую рыбу. Забежала лиса вперёд, легла на дорогу, хвост откинула, ноги вытянула... ну дохлая, да и полно! Подъехал мужик, посмотрел на лису и говорит:

— Славный будет воротник жене на шубу.

Взял лису за хвост и швырнул в сани, закрыл рогожей, а сам пошёл подле лошади.

Недолго пролежала лисонька: проделала в санях дыру и давай в неё рыбу выкидывать... Рыбка за рыбкой, повыкидала всю, а потом и сама из саней потихоньку вылезла.

Приехал мужик домой.

— Ну, старуха, — говорит он, — какой воротник привёз я тебе на шубу!

— Где?

— Там, на возу, и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы.

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая; погоревал, погоревал, да делать нечего.

Лиса перетаскала всю рыбу к себе в нору, села у норы и рыбку кушает. Видит она: бежит волк. От голода у него бока подвело.

— Здравствуй, сестрица! Что кушаешь?

— Рыбку. Здравствуй, братец.

— Дай мне хоть одну.

— Налови сам, да и кушай.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила. Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала, и велика. Ловись, рыбка, и мала, и велика». Рыба к тебе сама на хвост пацепится. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

— Ловись, рыбка, и мала, и велика. Ловись, рыбка, и мала, и велика!

Долго сидел волк у проруби, всю ночь не сходил с места. Хвост его и приморозило. Попробовал приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь», — думает волк.

Смотрит, а бабы идут за водой. Увидели волка и кричат:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка, кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало.

Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает волк, — уж я тебе, лиса, отплачу».

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать ещё что-нибудь стянуть. Забралась она в избу, где бабы блины пекли, да попала головой в кадку с тестом. Вымазалась и убежала.

Бежит, а волк ей навстречу:

— Так-то ты учишь меня, лиса! Всего меня исколотили.

— Эх, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозги. Мне больней твоего, еле плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где тебе идти. Садись уж на меня, я тебя довезу.

Лисичка села волку на спину, он её и понёс.

Сидит лиса да потихоньку и говорит:

— Битый небитого везёт, битый небитого везёт.

— Что ты там, лисонька, говоришь?

— А я говорю: битый битого везёт.

— Так, милая, так!

ЛИСА И КОЗЁЛ

Бежала лиса по дороге, на ворон зазевалась и упала в колодец. Воды в колодце немного, утонуть — не утонешь, а выскочить — не выскочишь.

Сидит лиса, горюет. Что тут делать?

Вот идёт по той же дороге козёл, головой помахивает, бородой потряхивает, по сторонам поглядывает. От нечего делать заглянул козёл в колодец. Увидел там лису и спрашивает:

— Здорово, лисонька! Что ты тут делаешь?

— Да вот отдыхаю. Наверху-то жарко, а тут и прохладно, и водицы холодненькой сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

— Да хороша ли вода-то?

— Вода-то хороша, — отвечает лиса. — Да ты прыгай сюда, вот и попробуешь. Места нам и двоим хватит.

Козёл сдуру и прыгнул. Воду замутил, чуть лису не задавил.

Рассердилась лиса, бранится:

— Ишь, бородатый, и прыгнуть не сумел, всю забрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца. Только козёл её и видел.

Сидит козёл в колодце. До вечера просидел, не знает, как выбраться.

Хватился хозяин козла, пошёл искать. Искал, искал, насилу нашёл. Верёвку принёс и козла из колодца вытащил.

ЛИСИЧКА СО СКАЛОЧКОЙ

Шла лисичка по дорожке, нашла скалочку. Подняла и пошла дальше.

Пришла в деревню и стучит в избу:

— Стук-стук-стук!

— Кто там?

— Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!

— У нас и без тебя тесно.

— Да я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Её пустили.

Вот она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Рано утром лисичка встала, сожгла свою скалочку, а потом и спра́шивает:

— Где же моя скалочка? Давайте мне за неё курочку!

Мужик — делать нечего! — отдал ей за скалочку курочку.

Взяла лисичка курочку, идёт да поёт:

Шла лисичка по дорожке,
Нашла скалочку,
За скалочку взяла курочку!

Пришла она в другую деревню:

— Стук-стук-стук!

— Кто там?

— Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!

— У нас и без тебя тесно.

— Да я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, курочку под печку.

Её пустили.

Лисичка легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, а курочку под печку.

Рано утром лисичка потихоньку встала, схватила курочку, съела, а после и говорит:

— Где же моя курочка? Давайте мне за неё гусочку!

Ничего не поделаешь, пришлось хозяину отдать ей за курочку гусочку.

Взяла лисичка гусочку, идёт да поёт:

Шла лисичка по дорожке,
Нашла скалочку,
За скалочку взяла курочку,
За курочку взяла гусочку!

Пришла она под вечер в третью деревню:

— Стук-стук-стук!

— Кто там?

— Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!

— Да у нас и без тебя тесно.

— А я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Её пустили.

Вот она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Утром, чуть свет, лисичка вскочила, схватила гусочку, съела да и говорит:

— А где же моя гусочка? Давайте мне за неё девочку!

А мужику девочку жалко отдавать. Посадил он в мешок большую собаку и отдал лисе:

— Бери, лиса, девочку!

Вот лиса взяла мешок, вышла на дорогу и говорит:

— Девочка, пой песни!

А собака в мешке как зарычит!

Лиса испугалась, бросила мешок — да бежать...

Тут собака выскочила из мешка — да за ней!

Лиса от собаки бежала-бежала да под пенёк в нору юркнула. Сидит там и говорит:

— Ушки мои, ушки! Что вы делали?

— Мы всё слушали.

— А вы, ножки, что делали?

— Мы всё бежали.

— А вы, глазки?

— Мы всё глядели.

— А ты, хвост?

— А я всё тебе мешал бежать.

— А, ты всё мешал! Ну постой же, я тебе задам! — И высунула хвост из норы. — Ешь его, собака!

Тут собака ухватилась за лисий хвост, вытащила лисицу из норы и давай её трепать!

ЖИХАРКА

Жили-были в избушке кот, петух да маленький человечек Жихарка*. Кот с петухом на охоту ходили, а Жихарка домовничал. Обед варил, стол накрывал, ложки раскладывал. Раскладывает да приговаривает:

— Это простая ложка — котова, эта простая ложка — Петина, а эта не простая, точёная, ручка золочёная, это Жихаркина. Никому её не отдам.

Вот прослышала лиса, что в избушке Жихарка один хозяйничает, и захотелось ей Жихаркиного мясца попробовать.

Кот да петух, как уходили на охоту, всегда велели Жихарке двери запирать. Запирал Жихарка двери. Всё запирал, а один раз и забыл. Справил Жихарка все дела, обед сварил, стол накрыл, стал ложки раскладывать да и говорит:

— Это простая ложка — котова, эта простая лож-

---

* Жи́харка — удалец.

ка — Петина, а эта не простая, точёная, ручка золочёная, — Жихаркина. Никому её не отдам.

Только хотел её на стол положить, а по лестнице — топ-топ-топ.

— Лиса идёт!

Испугался Жихарка, с лавки соскочил, ложку на пол уронил — и поднимать некогда, да под печку и залез. А лиса в избушку вошла, глянь туда, глянь сюда — нет Жихарки.

«Постой же, — думает лиса, — ты мне сам скажешь, где сидишь».

Пошла лиса к столу, стала ложки перебирать:

— Это ложка простая — Петина, эта ложка простая — котова, а эта ложка не простая, — точёная, ручка золочёная, — эту я себе возьму.

А Жихарка-то под печкой во весь голос:

— Ай, ай, ай, не бери, тётенька, я не дам!

— Вон ты где, Жихарка!

Подбежала лиса к печке, лапку в подпечье запустила. Жихарку вытащила, на спину перекинула — да в лес.

Домой прибежала, печку жарко истопила: хочет Жихарку изжарить да съесть. Взяла лиса лопату.

— Садись, — говорит, — Жихарка.

А Жихарка маленький, да удаленький. На лопату сел, ручки-ножки растопырил — в печку-то и не йдёт.

— Не так сидишь, — говорит лиса.

Повернулся Жихарка к печи затылком, ручки-ножки растопырил — в печку-то и не йдёт.

— Да не так, — лиса говорит.

— А ты мне, тётенька, покажи, я ведь не умею.

— Экой ты недогадливый!

Лиса Жихарку с лопаты сбросила, сама на лопату прыг, в кольцо свернулась, лапки спрятала, хвостом накрылась. А Жихарка её толк в печку да заслонкой прикрыл, а сам скорей вон из избы да домой.

А дома-то кот да петух плачут, рыдают:

— Вот ложка простая — котова, вот ложка простая — Петина, а нет ложки точёной, ручки золочёной, да и нет нашего Жихарки, да и нет нашего маленького!

Кот лапкой слёзы утирает, Петя крылышком подбирает.

Вдруг по лесенке — тук-тук-тук — Жихарка бежит, громким голосом кричит:

— А вот и я! А лиса в печке сжарилась!

Обрадовались кот да петух. Ну Жихарку целовать! Ну Жихарку обнимать! И сейчас кот, петух и Жихарка в этой избушке живут, нас в гости ждут.

КРЫЛАТЫЙ, МОХНАТЫЙ ДА МАСЛЕНЫЙ

На лесной опушке, в тёпленькой избушке, жили-были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый да блин масленый.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал.

Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил — с полей зёрен, из лесов грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил.

Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдыхать. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашеные считает. А блин у печи — румян да пышен — щи варит, крупной солью солит, кашу пробует.

Сядут за стол — не нахвалятся. Воробей говорит:

— Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему:

— А я, блин масленый, окунусь в горшок да вылезу — вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает:

— Ай, каша, ну и каша — горазд горяча!

А мышь ему:

— А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю — хорошо в печи огонь горит, вот каша и горяча!

— Да и я, — говорит воробей, — не промах: соберу грибов, натащу бобов — вот вы и сыты!

Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали.

Только раз призадумался воробей.

«Я, — думает, — целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит — нежится, а только к вечеру за обед берётся. А мышь с утра дрова везёт да грызёт, а потом на печь заберётся, на бок повернётся, да и спит

до обеда. А я с утра до ночи на охоте — на тяжёлой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей — ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать:

— Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили. На другой день утром блин пошёл на охоту, воробей — дрова рубить, а мышонок — обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поёт:

Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок.
На сметане мешан,
На маслице жарен!
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

— Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

— На охоту.

— А какую ты, блинок, песенку поёшь?

Блин заскакал на месте да и запел:

Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок!
На сметане мешан,
На маслице жарен!
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок!

— Хорошо поёшь, — говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается: — Так, говоришь, на сметане мешан?

А блин ей:

— На сметане да с сахаром!

А лиса ему:

— Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масленый бок — ам!

А блин кричит:

— Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами — на охоту!

А лиса ему:

— Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом, да и с сахаром.

Блин бился, бился, еле от лисы вырвался — бок в зубах оставил, домой побежал!

А дома-то что делается!

Стала мышка щи варить: чего ни положит, чего ни прибавит, а щи всё не жирны, не хороши, не маслены.

«Как, — думает, — блин щи варил? А, да он в горшок нырнёт да выплывёт, и станут щи жирные!»

Взяла мышка да кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слёзы льёт.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелки щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слёзы льёт.

Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке — клюв на сторону, слезами воробей заливается. Прибежал блин в избу: сидит мышь на лавке, шубка у неё повылезла, хвостик дрожмя дрожит.

Как увидели, что у блина полбока съедено, ещё пуще заплакали.

Тут блин и говорит:

— Так всегда бывает, когда один на другого кивает, своё дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали да и стали снова жить-поживать по-старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить.

Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВОРОН ВОРОНОВИЧ

Жили-были старик со старухой. У них было три дочери. Пошёл раз старик в амбар за крупой. Насыпал крупы в мешок и понёс домой. А в мешке была дырка, крупа-то из неё сыплется да сыплется.

Пришёл старик домой. Старуха спрашивает:

— Где крупа?

А крупы нет — вся высыпалась.

Пошёл старик собирать крупу. Собирал-собирал, измучился да и говорит:

— Эх, кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц посветил, а Ворон Воронович пособил мне крупу собрать, так я бы за Солнышко отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую.

Вот Солнышко обогрело старика, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупу собрать.

Вернулся старик домой и говорит старшей дочери:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась, вышла на крылечко. Солнце и унесло её.

Средней дочери старик тоже велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла. Месяц подхватил её и унёс.

И младшей дочери старик сказал:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась и вышла на крылечко. Ворон Воронович схватил её и утащил.

Стали старик со старухой одни жить.

Вот старик соскучился и говорит:

— Пойду-ка я проведаю дочерей!

Пошёл сначала к Солнышку.

Солнышко встретило его и говорит:

— Чем тебя, батюшка, угощать?

— Да я бы блинков поел!

Солнышко сказало жене, чтобы она напекла блинов. Вот жена развела тесто, Солнышко уселось среди пола, жена поставила на него сковородку, блины и испеклись. Наелся старик досыта.

Пришёл старик домой, приказал своей старухе блины состряпать. Старуха тесто развела, хотела было печку растопить, а старик сел на пол и велит ставить сковородку себе на лысину.

— Да ведь на тебе не испекутся! — говорит старуха.

— Ничего, — говорит старик, — испекутся!

Она и поставила сковородку ему на лысину. Сколько блины ни стояли — не испеклись, только прокисли. Нечего делать, растопила старуха печку и напекла блинов. Наелся старик.

На другой день пошёл он в гости ко второй дочери.

Обрадовался Месяц и говорит:

— Чем тебя угощать, батюшка?

— Я ничего не хочу, — отвечает старик. — Вот если бы мне в баньке попариться с дороги!

Месяц затопил для него баню.

Старик говорит:

— Темно в бане-то!

А Месяц отвечает:

— Ничего, ступай, светло будет!

Пошёл старик в баню, а Месяц просунул палец в щёлочку, и от него в бане светло-светло стало.

Выпарился старик, пошёл домой. Как стемнело, велел старухе баню затопить. Старуха истопила. Старик посылает её париться, а старуха и говорит:

— Да как же я париться буду? Ведь темно там!

— Ступай, ступай, светло будет!

Пошла старуха, а старик видел, как светил ему Месяц, и сам туда же: прорубил дыру в стене и сунул в неё свой палец. А в бане от того светлей не стало. Делать нечего, пошла старуха, принесла огня и выпарилась.

На третий день старик пошёл к Ворону Вороновичу.

— Чем тебя угощать? — спрашивает Ворон Воронович.

— Я ничего не хочу, — говорит старик.

— Ну, пойдём хоть спать на насест.

Поставил Ворон Воронович лестницу, старик полез на насест. Ворон Воронович посадил его под крыло. Переночевал старик.

Вернулся домой, дождался вечера и говорит старухе:

— Будем сегодня на насесте с курами спать!

Вот пришли в курятник, взобрались на насест. Как заснули старик со старухой, упали оба на пол. Изругала старуха старика и пошла в избу спать.

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК И ЧУДО-МЕЛЕНКА

Жили-были старик со старухой.

Ели они как-то раз горох и уронили одну горошину на пол. Покатилась горошинка по полу и скатилась в подполье.

Долго ли, коротко ли лежала там горошинка, только вдруг стала расти. Росла, росла и выросла до полу. Старуха увидела и говорит:

— Старик, надобно пол-то прорубить, пускай горошина растёт выше. Как вырастет, станем в избе горох рвать.

Старик прорубил пол, а горошина всё растёт и растёт — и доросла до потолка.

Прорубил старик и потолок, а горошина всё растёт да растёт — и выросла до самого неба...

Захотелось старику со старухой гороха. Взял старик мешок и полез на горошину стручки рвать. Лез, лез, добрался до туч и видит: сидит на тучке петушок —

золотой гребешок, а рядом стоит меленка — золотая-голубая.

Старик недолго думая взял и меленку, и петушка и спустился по горошине в избу.

Спустился и говорит:

— Вот тебе, старуха, подарочек: петушок — золотой гребешок да меленка!

Старуха говорит:

— Ну-ка, посмотрю я, что это за меленка!

Взяла меленку, повернула разок — глядь, упали на стол блин да пирог! Повернула ещё разок — опять упали блин да пирог.

Что ни повернёт — всё блин да пирог, блин да пирог!

Обрадовались старик со старухой, стали жить не тужить.

Ехал раз мимо их избушки какой-то барин богатый. Остановился он возле крылечка и спрашивает:

— Эй, старики, нет ли у вас чего-нибудь поесть? Я с дороги проголодался.

Старуха говорит:

— Чего ж тебе, барин, дать поесть? Разве блинков да пирожков?

Взяла меленку, повернула. Стали падать блинки да пирожки. Барин смотрит, диву даётся.

Поел он и говорит:

— Продай мне, старуха, эту меленку!

— Нет, барин, не продам — самим нужна.

Барин дождался, когда старик со старухой вышли из избушки, и украл у них меленку. Вскочил в коляску и уехал.

Хватились вечером старик со старухой — нет меленки! Стали они горевать, слёзы проливать.

А петушок — золотой гребешок кричит:

— Не плачьте, дедушка, бабушка! Я полечу к барину, отниму нашу меленку!

Взвился петушок и полетел над полями, над реками, над дремучими лесами. Прилетел он к барскому дому, сел на ворота и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Барин, барин, отдай нашу меленку — золотую-голубую! Барин, барин, отдай нашу меленку — золотую-голубую!

Услыхал это барин, рассердился, приказывает слугам:

— Эй, слуги, возьмите петуха, бросьте в воду!

Поймали слуги петушка, бросили в колодец.

А петушок сидит в колодце, пьёт воду да приговаривает:

— Носик, носик, пей воду! Носик, носик, пей воду! — и выпил всю воду.

Выпил всю воду, вылетел из колодца и полетел к барскому дому. Прилетел и опять кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Барин, барин, отдай нашу меленку — золотую-голубую! Барин, барин, отдай нашу меленку — золотую-голубую!

Ещё пуще рассердился барин, велел слугам бросить петушка в горячую печь.

Поймали петушка, бросили в горячую печь — прямо в огонь.

А петушок сидит в печи да приговаривает:

— Носик, носик, лей воду! Носик, носик, лей воду! — и залил весь огонь в печи.

Вылетел петушок из печи, влетел прямо в барский дом, уселся на подоконник и опять кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Барин, барин, отдай нашу меленку — золотую-голубую! Барин, барин, отдай нашу меленку — золотую-голубую! Не захочешь отдать — буду в голову клевать!

Стал барин своих слуг скликать:

— Эй, слуги! Хватайте петуха! Рубите его саблями!

Побежали слуги сабли точить, а петушок барину покою не даёт: сел ему на голову и давай в темя клевать.

Барин туда, барин сюда, а петушок не отстаёт — прямо в голову клюёт! Потом схватил меленку и полетел к старику и старухе. Прилетел и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Принёс я нашу меленку — золотую-голубую!

Обрадовались старик со старухой. Взяли они меленку и стали жить-поживать, всех блинками да пирожками угощать.

СНЕГУРОЧКА

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Всё бы хорошо, да одно горе — детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик

со старухой на них из окна глядят да про своё горе думают.

— А что, старуха, — говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем.

— Давай, — говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную голову приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок. Глядь: а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись; смотрит она на стариков и улыбается. Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег — и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели её в избу. Глядят на неё, не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то всё краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растёт дочка и умная, и смышлёная, и весёлая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоёт — заслушаешься.

Прошла зима.

Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинах, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

— Что с тобой, дочка? — спрашивают старики. — Что ты такая невесёлая стала? Иль тебе неможется?

— Ничего, батюшка, ничего, матушка, я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня всё печальнее, всё молчаливее становится. От солнца прячется. Всё бы ей тень да холодок, а ещё лучше — дождичек.

Раз надвинулась чёрная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекатному. А как снова выглянуло солнышко и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно сестра по родному брату.

За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

— Идём с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха её уговорила:

— Пойди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костёр и давай все друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала.

Побежала она в свой черёд за подружками. Прыгнула над огнём и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и услышали подружки, как позади простонало что-то жалобно: «Ау!» Обернулись они: Снегурочки нет.

Стали они кликать её:

— Ау, ау, Снегурочка!

Только эхо им в лесу откликнулось.

ГУСИ

Жил старичок со старушкой. Были у них дочка да сынок маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке:

— Мы пойдём, дочка, в город: принесём тебе булочку, купим платочек, а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи.

Ушли старики, девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Прибежала девочка, глядь: нет братца! Кинулась туда-сюда — нету! Кликала девочка, кликала братца — не откликается. Выбежала в чистое поле: вдали метнулось гусиное стадо и пропало за тёмным лесом. «Верно, гуси унесли братца!» — подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит: стоит печка.

— Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

А девочка говорит:

— У моего батюшки и пшеничные не едятся!

И побежала дальше.

Бежит девочка дальше и видит: стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?

— Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся! — сказала девочка и побежала дальше.

Бежит девочка и видит: льётся молочная речка — кисельные берега.

— Молочная речка — кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего простого киселика с молочком, тогда скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся!

И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу ёж. Хотела девочка ежа толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

— Ёжик, ёжик, куда гуси полетели?

Ёжик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит, поворачивается. В избушке сидит баба-яга, костяная нога, морда глиняная; сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой. А баба-яга клпкнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем её нагоняют. Куда деваться?

Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами:

— Реченька, голубушка, укрой меня!

— Съешь моего простого киселика с молочком.

Похлебала девочка киселика с молочком. Тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси её увидали и опять пустились в погоню. Что делать девочке?

Прибежала она к яблоньке:

— Яблонька, голубушка, спрячь меня!

— Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу.

Нечего делать девочке — съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками — гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблоньки и пустилась бежать домой. Бежит, а гуси опять её увидали — и ну за ней!

Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки:

— Печечка, матушка, спрячь меня!

— Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу.

Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь. Гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидали и опять погнались за нею. Вот-вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди братца из рук вырвут, да изба-то была уж недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к бабе-яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят: мальчик дома, жив и здоров. Подарили девочке булочку и платочек.

НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ — ПРИГОДИТСЯ ВОДЫ НАПИТЬСЯ

Жили себе дед да баба. У деда была дочь, и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у неё такая же. Дед был человек смирный, и дочь его Машенька тоже девочка смирная, работящая, красавица.

Невзлюбила мачеха Машеньку и пристала к деду:

— Не хочу с Машкой жить! Вези её в лес, в землянку, пусть там прядёт — больше напрядёт!

Совсем заела мужика злая баба. Нечего тому делать: запряг он телегу, посадил Машу и повёз в лес. Ехали, ехали и нашли они в лесу землянку. Жаль старику дочери, да делать нечего! Дал он ей огниво, кремешок, трут и мешочек круп и говорит:

— Огонёк, Маша, не переводи, кашку вари, избушку прибери, а сама сиди да пряди, завтра я приеду тебя проведать.

Попрощался старик с дочерью и поехал домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла, а как пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только что каша закипать стала, как вылезла из-под полу мышка и говорит:

— Дай мне, красная девица, ложечку кашки.

Машенька досыта мышку накормила, а мышка поблагодарила её и спряталась.

Поужинала Маша и села опять прясть. Вдруг в са-

мую полночь вломился медведь в избу и говорит Маше:

— А ну-ка, девушка, туши огонь, давай в жмурки играть!

Вот тебе серебряный колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Испугалась Маша, не знает, что ей делать, а мышка вылезла из-под полу, вбежала девушке на плечо, да в ухо и шепчет:

— Не бойся, Маша, туши огонь, полезай сама на печь, а колокольчик мне отдай.

Машенька так и сделала.

Стал медведь в жмурки играть: никак мышки поймать не может, а та бегает да колокольчиком звонит. Ловил медведь, ловил — разозлился, заревел и стал поленьями во все углы швырять: перебил все горшки и миски, а в мышку не попал. Приустал наконец медведь и говорит:

— Мастерица ты, девушка, в жмурки играть! За это пришлю тебе утром стадо коней да воз добра.

И ушёл.

Поутру баба сама посылает деда в лес:

— Поезжай, посмотри, много ли твоя Машутка напряла!

Уехал старик, а баба села у окна и дожидается, что вот-де приедет дед и Машуткины косточки в мешке привезёт. Сидит баба час, другой, слышит: что-то по дороге из лесу тарахтит, а шавка из-под лавки:

— Тяф-тяф-тяф! Со стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везёт.

Крикнула баба на собачку:

— Врёшь ты, шавка! Это в кузове Машуткины косточки гремят!

Но заскрипели ворота, кони на двор вбежали, а Маша с отцом сидят на возу — полон воз добра! Почернела тут баба от злости и говорит:

— Эка невидаль, какая! Вези мою дочку в лес. Моя Наташка не твоей Машке чета: два стада коней пригонит, два воза серебра привезёт.

На другой день отвёз дед бабину дочь в землянку и снарядил её всем, как и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выглянула из-под полу и просит:

— Красна девица, дай мне ложечку кашки.

А Наташка как крикнет:

— Ишь ты, гадина какая! Ещё каши захотела! — и швырнула в мышку поленом.

Мышка убежала, а Наташа села, всю кашу сама поела и легла спать.

В самую полночь вломился медведь в избу:

— А ну-ка, девушка, давай в жмурки играть! Вот тебе колокольчик, бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Взяла Наташа колокольчик и стала бегать, да куда! — колени трясутся, рука дрожит, колокольчик без толку звонит, а мышка из-под полу отзывается:

— Злой Наташке избитой быть!

Наутро баба посылает старика в лес.

— Поезжай, — говорит, — гони коней, вези серебро.

Уехал старик, а баба села у ворот и дожидается. Вот затарахтело по дороге из лесу, а собака из-под ворот:

— Тяф-тяф-тяф! Хозяйкина дочка едет, охает да кричит, а пустой воз тарахтит.

Швырнула баба в собачку поленом:

— Врёшь ты, шавка! Это серебро в сундуках звенит.

Подъехал старик с Наташей, и насилу-то её с пустого воза сняли.

Завыла тут злая мачеха, да делать нечего, а Машенька скоро потом за хорошего молодца замуж вышла.

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попалась Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазкой, средняя — Двуглазкой, а меньшая — Триглазкой.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба

не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила! Коровушка наткала, побелила, в трубы скатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку.

Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла на них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — и веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре пожпвать, лиха не знать.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли, шли — солнце высóко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высóко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высóко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней белепький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец.

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду. Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала проспть мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает — делать нечего, купец согласился:

— Ну зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные...

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобпёшенько закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь па бережок,
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёпушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит, по берегу бегает козлёночек и жалобнёшенько зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок,
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

Ах, братец мой Иванушка!
Гяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке.

Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Алёнушку на берег. Отрезали камень с шеи, окупули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у него было три сына — все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит однажды царь такое слово:

— Дети мои милые! Возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат — полетела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуша-квакуша.

Говорит Иван-царевич:

— Как мне за себя квакушу взять? Квакуша — неровня мне!

— Бери, — отвечает ему царь, — знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягуше-квакуше.

Призывает их царь и приказывает:

— Чтобы жёны ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу!

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так закручинился? — спрашивает его лягушка. — Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб!

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила лягушка царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою, вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-пяньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки!

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Изукрашен каравай разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

— Чтобы жёны ваши соткали мне за одну ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто закручинился? Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою.

Вышла она на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, шёлковый ковёр ткать, чтоб таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковёр давно готов, и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать.

Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ: чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль от отца услыхал слово неприветливое?

— Как же мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу?

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, всё болото исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся.

Гости крепко напугались, повскакали со своих мест и не знают, что и делать, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это моя лягушонка в коробчонке приехала!

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый

рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то же делать. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махпула правой — и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались!

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми рукавами — гостей забрызгали, махнули правыми — костью царю прямо в глаз попали! Царь рассердился и прогнал их с глаз долой.

Тем временем Иван-царевич улучил минуту, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи; приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, — у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все четыре стороны и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему своё несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок: куда он покатится — ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошёл за клубочком.

Идёт чистым полем, попадается ему медведь.

«Дай убью зверя», — думает Иван-царевич.

А медведь говорит ему:

— Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя.

Идёт он дальше, глядь: а над ним летит селезень; царевич прицелился из лука, хотел было

застрелить птицу, как вдруг говорит она человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Он пожалел и пошёл дальше.

Бежит косой заяц; царевич опять за лук, стал целиться, а заяц ему человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел зайца и пошёл дальше — к синему морю.

Видит — на песке лежит, издыхает щука-рыба.

— Ах, Иван-царевич, — сказала щука, — сжалься надо мною, пусти меня в море!

Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается. Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила: ко мне передом, а к морю задом!

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

— Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал? — спрашивает баба-яга Ивана-царевича.

— Ах ты старая хрычовка, — говорит Иван-царевич, — ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала.

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— А, знаю! — сказала баба-яга. — Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить; смерть его на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

Указала баба-яга, в каком месте растёт этот дуб.

Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать. Вдруг — откуда ни взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть паутёк пустился; глядь: а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, летит, а за нею селезень бросился, как ударит её — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил его, достал иглу и отломил кончик. Сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть.

Иван-царевич вошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго, и счастливо.

СИВКА-БУРКА

Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали.

Посеял раз старик пшеницу. Добрая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать.

Вот старик и говорит сыновьям:

— Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, поймайте вора!

Настала первая ночь.

Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра.

Приходит утром домой и говорит:

— Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерёг! Иззяб весь, а вора не видал.

На вторую ночь пошёл средний сын. И он всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черёд Иванушке-дурачку идти.

Положил он пирог за пазуху, взял верёвку и пошёл. Пришёл в поле, сел на камень. Сидит не спит, пирог жуёт, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу конь — одна шерстинка серебряная, другая золотая; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет.

Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею верёвку.

Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было! Иванушка вскочил на него ловко и ухватился крепко за гриву.

Уж конь носил-носил его по чисту полю, скакал-скакал — не мог сбросить!

Стал конь просить Иванушку:

— Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу сослужу.

— Хорошо, — отвечает Иванушка, — отпущу, да как я тебя потом найду?

— А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил Иванушка коня и взял с него обещание пшеницы никогда больше не есть и не топтать.

Пришёл Иванушка поутру домой.

— Ну, рассказывай, что ты там видел, — спрашивают братья.

— Поймал я, — говорит Иванушка, — коня — одна шерстинка серебряная, другая золотая.

— А где же тот конь?

— Да он обещал больше не ходить в пшеницу, вот я его и отпустил.

Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Да только уж с этой ночи и вправду никто пшеницы не трогал...

Скоро после того разослал царь гонцов по всем деревням, по всем городам клич кликать:

— Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, к царю на двор. Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своём высоком тереме у окошка. Кто на коне до царевны доскочит да с её руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдёт!

Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору — не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка с ними просится:

— Братцы, дайте мне хоть какую-нибудь лошадёнку, и я поеду посмотрю на Елену Прекрасную!

— Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай!

Уехали братья, а Иванушка-дурачок и говорит братниным жёнам:

— Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду — грибов наберу!

Взял лукошко и пошёл, будто грибы собирать.

Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под куст бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

— Что угодно, Иванушка?

— Хочу посмотреть на царскую дочь Елену Прекрасную! — отвечает Иванушка.

— Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай!

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать! Сел на Сивку-бурку и поскакал прямо к городу.

Нагнал он по дороге своих братьев, проскакал мимо них, пылью дорожной осыпал.

Прискакал Иванушка на площадь — прямо к царскому дворцу. Смотрит: народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, сидит царевна Елена Прекрасная. На руке у неё перстень сверкает — цены ему нет! А собою она красавица из красавиц.

Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до неё доскочить: никому нет охоты шею себе ломать.

Ударил тут Иванушка Сивку-бурку по крутым бокам... Фыркнул конь, заржал, прыгнул — только на три бревна до царевны не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал.

Кричат все:

— Кто таков? Кто таков?

А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

Примчался Иванушка в чистое поле, соскочил с ко-

ня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком.

Отпустил он Сивку-бурку, набрал полное лукошко мухоморов и принёс домой.

— Эва, какие грибки хорошие!

Рассердились братнины жёны на Иванушку и давай его ругать:

— Какие ты, дурень, грибы принёс? Только тебе одному их есть!

Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит.

Воротились домой братья и рассказывают жёнам, что они в городе видели:

— Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видывали. До царевны только на три бревна не доскочил.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

— Братцы родные, а не я ли это там был?

— Куда тебе, дурню, там быть? Сиди уж на печи да мух лови!

На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами.

Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил, сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка Сивке-бурке в правое ухо, в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил на коня и поскакал ко дворцу.

Видит: на площади народу ещё больше прежнего. Все на царевну любуются, а скакать и не думают: боятся шею себе сломать!

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам. Заржал Сивка-бурка, прыгнул — и только на два бревна до царевнина окна не достал.

Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

А Иванушка уже в чистом поле.

Отпустил Сивку-бурку, а сам пошёл домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев.

Приезжают братья домой и рассказывают:

— Ну, хозяйки, тот же молодец онять приезжал! Не доскочил до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, помалкивай!

На третий день братья снова собираются ехать, а Иванушка говорит:

— Дайте мне хоть плохонькую лошадёнку: поеду и я с вами!

— Сиди, дурень, дома! Только тебя там и не хватает!

Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому дворцу.

Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул Сивку-бурку плёткой... Заржал конь пуще прежнего, ударил о землю копытами, прыгнул — и доскочил до окна!

Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с её пальца заветный перстень и умчался. Только его и видели!

Тут все зашумели, закричали, руками замахали:

— Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл.

Отпустил он Сивку-бурку, пришёл домой. Одна рука тряпкой обмотана.

— Что это с тобой приключилось? — спрашивают братнины жёны.

— Да вот искал грибы, на сучок накололся... — И полез на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было.

— Ну, хозяйки, тот молодец в этот раз так скакнул, что до царевны доскочил и перстень с её пальца снял!

Иванушка сидит на печке да знай своё:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, не болтай зря!

Тут Иванушке захотелось на царевнин драгоценный перстень взглянуть.

Как размотал он тряпку, так всю избу и осияло!

— Перестань, дурень, с огнём баловать! — кричат братья. — Ещё избу сожжёшь. Пора тебя совсем из дому прогнать.

Ничего им Иванушка не ответил, а перстень снова тряпкой обвязал...

Через три дня царь снова клич кликнул, чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгает, тому голову с плеч долой!

Нечего делать, отправились братья на пир, повезли с собой и Иванушку-дурачка.

Приехали, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые, пьют-едят, разговаривают.

А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и мёду, а сама смотрит, нет ли у кого на руке её перстенька заветного. У кого перстень на руке — тот и жених её.

Только ни у кого перстня не видно...

Обошла она всех, подходит к последнему — к Иванушке. А он за печкой сидит, одежонка на нём худая, лаптишки рваные, одна рука тряпкой обвязана.

Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна и нашему Ивашке вина подносит!»

А Елена Прекрасная подала Иванушке стакан вина и спрашивает:

— Почему это у тебя, молодец, рука обвязана?

— Ходил в лес по грибы да на сук накололся.

— А ну-ка, развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце у него царевнин перстень заветный: так и сияет, так и сверкает!

Обрадовалась Елена Прекрасная, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой жених и нашёлся!

Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь!

Тут ждать да рассуждать не стали — весёлым пирком да за свадебку!

Я на том пиру был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

КОТ, КОЗЁЛ ДА БАРАН

Жили-были на одном дворе козёл да баран; жили промеж себя дружно: сена клок — и тот пополам, а коли вилы в бок — так одному коту Ваське.

Вот однажды лежат себе козёл да баран и разговаривают промеж себя; где ни взялся котишко-мурлышко, серый лобишко, идёт да так жалостно плачет. Козёл да баран и спрашивают:

— Кот-коток, серенький лобок! О чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?

— Как мне не плакать? Била меня старая баба, била, била, уши выдрала, ноги поломала да ещё удавку припасала.

— А за какую вину такая тебе погибель?

— Эх, за то погибель была, что себя не опознал да сметанку слизал.

И опять заплакал кот-мурлыко.

— Кот-коток, серый лобок! О чём же ты ещё плачешь?

— Как мне не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мне придёт зять, где будет сметаны взять? Поневоле придётся колоть козла да барана!

Заревели козёл и баран:

— Ах ты, серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!

Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали втроём думу думать: как быть и что делать?

— А что, середний брат баранко, — спросил мурлыко, — крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат козёл, разбежался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козёл да баран, а за ними скачет на трёх ногах кот, серый лоб. Устал он и взмолился названым братьям:

— Ни то старший брат, ни то средний брат! Не оставьте меньшего братишку на съеденье зверям.

Взял козёл, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам. Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище, станово становище; под тем крутищем скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят. Остановились козёл, баран и кот отдыхать, а ночь была осенняя, холодная. «Где огня добыть?» — думают козёл да баран, а мурлышко уже добыл берёсты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами. Стукнулись козёл с бараном, да так крепко, что искры из глаз посыпались; берестечко так и зарыдало*.

— Ладно, — молвил серый кот, — теперь обогреемся.

Да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путём обогреться, глядь — жалует незваный гость мужичок-серячок Михайло Иванович.

— Пустите, — говорит, — обогреться да отдохнуть; что-то неможется.

— Добро пожаловать, мужичок-серячок, муравейничек! Откуда, брат, идёшь?

— Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться.

Стали вчетвером тёмну ночь делить: медведь под стогом, мурлыко на стогу, а козёл с бараном у теплины. Идут семь волков серых, восьмой белый, и прямо к стогу.

— Фу-фу, — говорит белый волк, — нерусским духом пахнет. Какой-такой народ здесь? Давайте силу пытать!

Заблеяли козёл и баран со страху, а мурлышко такую речь повёл:

— Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшего; он, помилуй бог, сердит! — как расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды: в ней-то и сила, бородою он зверей побивает, а рогами только кожу снимает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть с твоим меньшим братишком, что под стогом-то лежит.

---

* Вспыхнуло, затрещало.

Волки на том козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вот он крепился, крепился, да как хватит на каждую лапу по волку; волки перепугались, выбрались кое-как, да, поджав хвосты, — подавай бог ноги!

А козёл да баран тем времечком подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, а козёл с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли. Волки стоят под елью, зубы оскалили и воют, глядя на козла и барана. Видит кот, серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двух волков съёл, и с косточками, так ещё сытёхонек; а ты, большой брат, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он, как козёл сорвался и упал прямо рогами на волка.

А мурлыко знай своё кричит:

— Держи его, лови его!

Тут на волков такой страх нашёл, что со всех ног припустили бежать без оглядки. Так и ушли.

ВОЛК-ДУРЕНЬ

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду сторожила она весь дом, а как пришла тяжёлая старость — и брехать перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял верёвку, зацепил собаку за шею и повёл её в лес. Привёл к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слёзы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пёс в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идёт из-за кустов большущий волк, увидел его и говорит:

— Здравствуй, пёстрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому, а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за всё отплачу!

— А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?

— Да немного: съем тебя со всей шкуркой и с костями.

— Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; так и после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое пёсье мясо? Зачем тебе понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Моё мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей говядинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно.

Волк послушал кобеля, пошёл и притащил ему половину коровы.

— Вот тебе и говядина! Смотри поправляйся.

Сказал и ушёл.

Собака стала прибирать мясцо и всё поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю:

— Ну, брат, поправился али нет?

— Маленько поправился; коли б ещё принёс ты мне какую-нибудь овцу, моё мясо сделалось бы не в пример слаще!

Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лёг в лощине и стал караулить, когда погонит пастух своё стадо. Вот пастух гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на неё: ухватил за шиворот и потащил к собаке.

— Вот тебе овца, поправляйся!

Стала собака поправляться, съела овцу и почуяла в себе силу. Пришёл волк и спрашивает:

— Ну что, брат, каков теперь?

— Еще немножко худ. Вот когда б ты принёс мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!

Волк добыл и кабана, принёс и говорит:

— Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости.

«Ну, ладно, — думает собака, — я с тобой расправлюсь».

Через два дня идёт волк к откормленному псу, а пёс завидел и стал на него брехать.

— Ах ты, мерзкий кобель, — сказал серый волк, — как ты смеешь меня бранить? — и тут же бросился на собаку и хотел её разорвать.

Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только

космы летят. Волк вырвался да бежать скорее; отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай — опять припустил. Прибежал в лес, лёг под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки.

— Ишь как обманул, мерзкий кобель! — говорит волк сам с собою. — Постой же, теперь кто ни попадёт, уже из моих зубов не вырвется!

Зализал волк раны и пошёл за добычей. Смотрит, на горе стоит большой козёл; он к нему, и говорит:

— Козёл, а козёл! Я пришёл тебя съесть.

— Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты попрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбегусь да так и прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!

Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козёл, себе на уме, полетел с горы, как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козёл и был таков! Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал.

— Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнёхонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!

Сказал волк и пустился к деревне, увидал свинью с поросятами и бросился было схватить поросёнка, а свинья не даёт.

— Ах ты, свиная харя! — говорит ей волк. — Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу.

А свинья отвечала:

— Ну, до сей поры не ругала я тебя, а теперь скажу, что ты большой дурачина!

— Как так?

— А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить.

Волк согласился.

Пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку:

— Ты, любезный кум, становись по ту сторону за-

ставки, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать.

Волк обрадовался, думает: «Вот когда попадёт в зубы добыча-то!»

Пошёл серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой; пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

Узнал серый волк лукавство свиньи, кое-как выбрался на берег и пошёл с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна какая-то падаль. «Хорошо, — думает, — вот придёт ночь, наемся хоть этой падали».

Нашло на волка неурожайное время, рад и падалью поживиться! Всё лучше, чем с голоду зубами пощёлкивать да по-волчьи песенки распевать. Пришла ночь, волк пустился к гумну и стал уписывать падаль. Но охотник уже давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов; ударил он из ружья, и серый волк покатился с разбитой головою. Так и окончил свою жизнь серый волк!

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают, как через реку перейти. Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывём!

— Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдём по ней.

Соломинка перетянулась; лапоть пошёл по ней, она и переломилась.

Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал да и лопнул!

ИВАШКО И ВЕДЬМА

Жили себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери:

— Пустите меня, я поеду рыбку ловить.

— Куда тебе! Ты ещё мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!

— Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!

Баба надела на него белую рубашечку, красным пояском подпоясала и отпустила Ивашечка.

Вот он сел в лодку и говорит:

Челнок, челнок, плыви далёшенько!
Челнок, челнок, плыви далёшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на берег и зовёт своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Челнок, челнок, плыви к бережку:
То меня матушка зовёт.

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила своего сына, переменила ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Челнок, челнок, плыви далёшенько!
Челнок, челнок, плыви далёшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед на берег и зовёт своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принёс.

А Ивашко:

Челнок, челнок, плыви к бережку:
То меня батюшка зовёт.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сынка, переменил ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей завладеть мальчиком. Вот приходит она на берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поёт:

Челнок, челнок, плыви далёшенько,
Челнок, челнок, плыви далёшенько:
То меня не мать зовёт, то меня ведьма зовёт.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голосом, каким его мать зовёт, побежала к кузнецу и просит его:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне такой тонюсенький голосок, как у Ивашкиной матери, а то я тебя съем!

Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери. Вот ведьма пришла ночью на бережок и поёт:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Алёнку:

— Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей — моих приятелей.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Ивашке:

— Ступай, садись на лопату!

— Я ещё мал и глуп, — отвечает Ивашко, — я ничего ещё не умею — не разумею; поучи меня, как надо сесть на лопату.

— Хорошо, — говорит Алёнка, — поучить недолго!

И только села она на лопату, Ивашко так и барахнул её в печь и закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не отворяет ей дверей.

— Ах, проклятая Алёнка! Верно, ушла куда-нибудь играть.

Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей; все уселись за стол, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Алёнку — и на стол; ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве.

— Покатаюся, поваляюся, Ивашкина мясца наевшись! — кричит ведьма. — Покатаюся, поваляюся, Ивашкина мясца наевшись!

А Ивашко переговаривает её с верха дуба:

— Покатайся, поваляйся, Алёнкина мясца наевшись.

— Мне что-то послышалось, — говорит ведьма.

— Это листья шумят.

Опять ведьма говорит:

— Покатаюся, поваляюся, Ивашкина мясца наевшись!

А Ивашко своё:

— Покатайся, поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб — тот самый, где сидел Ивашко; грызла, грызла, грызла — два передних зуба выломала и побежала в кузницу.

Прибежала и говорит:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей два железных зуба.

Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла — два нижних зуба выломала и побежала в кузницу. Прибежала и говорит:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей ещё два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батюшки, до матушки;
У батюшки, у матушки
Пити, ести, хорошо ходити!

— Пущай тебя середние возьмут, — говорят птицы.

Ивашко ждёт; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батюшки, до матушки;
У батюшки, у матушки
Пити, ести, хорошо ходити!

— Пущай тебя задние возьмут.

Ивашко опять ждёт; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батюшки, до матушки;
У батюшки, у матушки
Пити, ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Рано поутру баба собралась печь блины, печёт, а сама вспоминает сынка:

— Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидать!

А дед говорит:

— Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях.

Напекла баба блинов и говорит:

— Ну, старик, давай делить блины: это — тебе, дед, это — мне; это — тебе, дед, это — мне...

— А мне нету! — отзывается Ивашко.

— Это — тебе, дед, это — мне...

— А мне нету!

— А ну, старик, — говорит баба, — посмотри, что там такое?

Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всём, обо всём и стали вместе жить да поживать, да добра наживать.

МОРОЗКО

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, всё не так, всё худо. А надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать.

— Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вози к родным в тёплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку в сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повёз бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерней смерти.

Осталась бедненькая, трясётся. Приходит Мороз, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз хотел её тукнуть и заморозить, но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, поджала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз пришёл совсем не по душу, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая весёленькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала такая красавица, такая нарядница! Сидит и песенки поневает.

А мачеха по ней поминки справляет: напекла блинов.

— Ступай, муж, вези хоронить свою дочь.

Старик поехал. А собака под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала, и била её, а собачка всё своё:

— Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идёт падчерица — панья полней сияет! Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повёз старик на то же поле, посадил на то же место. Пришёл и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождался; рассердился, хватил её и убил.

— Старик, ступай, мою дочь привези, лихих копей запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом.

— Тяв-тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! На пирог скажи: старухину в злате, в серебре везут!

Растворились ворота: старуха выбежала встречать дочь, да вместо неё обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестёр станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошёл с сёстрами в зелёный сад погулять. Вдруг находит на небо туча чёрная, встаёт гроза страшная.

— Пойдёмте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришёл сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я её не унимаю, — пусть идёт!

Марья-царевна согласилась, сокол женился и унёс её в своё царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошёл Иван-царевич с двумя сёстрами во зелёный сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдёмте, сестрицы, домой! — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл, ударился об пол и сделался добрым молодцем:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом.

И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идёт; я с неё воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орёл подхватил её и унёс в своё царство.

Прошёл ещё один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдём, во зелёном саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

— Вернёмся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем; прежние были хороши собой, а этот ещё лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом; отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идёт за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унёс он её в своё государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестёр, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, идёт и видит — лежит в поле рать-сила побитая.

Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Всё это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна.

Пустился Иван-царевич дальше, паезжал на шатры белые.

Выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна:

— Здравствуй, царевич, куда тебя бог несёт — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в своё государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не заглядывай!

Он не вытерпел; как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему ведро воды, он выпил и ещё запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды, дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! — И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил её и унёс к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошёл в путь-дорогу:

— Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать.

Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

— Трудно тебе сыскать её, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на неё смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошёл в дорогу.

Шёл он день, шёл другой, на рассвете третьего видит дворец ещё лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орёл сидит. Слетел орёл с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идёт!

Ольга-царевна тотчас выбежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орёл:

— Трудно тебе сыскать её; оставь у нас серебряную вилку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит.

Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идёт.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать её; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше пойдём со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать её, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю, за твою доброту, что водой меня напоил, и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увёз; а Иван-Царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною, Кощея Бессмертного дома не случилося.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит, мы хоть часок-другой проведём вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, доньяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял её и увёз к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклал в смолёную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В то самое время у зятьёв Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилася!

Орёл бросился на синё море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мёртвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно.

Ворон брызнул мёртвой водою — тело срослось, соединилося; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Ещё бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья. — Пойдём теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну!

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать.

Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живёт баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребёночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала всё Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл к бабе-яге. Долго шёл он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками.

Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыплёночка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошёл он дальше, видит в лесу улей пчёл.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего мёду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошёл дальше, попадает ему навстречу львица со львёнком.

— Съем я хоть этого львёнка; есть так хочется, ажно тошно стало!

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрёл голодный, шёл, шёл — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришёл — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришёл заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасёшь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился, баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты, и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич, наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул.

Солнышко село за лес, прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошёл домой; баба-яга пуще прежнего и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасёшь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят

в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчёлка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребёнок — в навозе валяется, ты укради его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улёгся за яслями; баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у неё паршивого жеребёнка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребёнка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!»

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребёнка в зелёных лугах, стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как же ты опять живой?

— Так и так, — говорит. — Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груду дров, развёл огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу.

Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всём свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попировали и поехали в своё царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было.

Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время дома не бывал. На ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в своё государство, стал подъезжать к своей земле, а день был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая. Что ни дать, только бы воды испить!

Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро. Подъехал к озеру, слез с коня, прилёг на брюхо и давай глотать студёную воду. Пьёт и не чует беды, а царь морской ухватил его за бороду.

— Пусти! — просит царь.

— Не пущу, не смей пить без моего ведома!

— Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!

— Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не знает? Кажись, всё знает, всё ему ведомо, — и согласился.

Попробовал — бороду никто не держит; встал с земли, сел на копя и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про своё милое детище, так и залился горькими слезами.

Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь. Стали они жить по-старому; а царевич растёт себе да растёт, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

«Сколько ни держать при себе, — думает царь, — а отдавать надобно: дело неминучее!»

Взял Ивана-царевича за руку, привёл прямо к озеру.

— Поищи здесь, — говорит, — мой перстень, я нечаянно вчера обронил!

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень. Идёт по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

— Куда идёшь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся с богом!

И пошла старушка в сторону. А Иван-царевич призадумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу её: старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет».

И стал ворочать старушку.

— Воротись, бабушка, да прости моё слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмёт тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старухи. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — красных девиц, а вслед за

ними и тринадцатая, станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки: у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять вёрст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на неё попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждёт поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!

Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на неё заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унёс сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унёс кто-то; бросились все искать, искали, искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Полетайте домой; я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделались голу́бками, взмахнули крыльями и полетели прочь.

Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведёт в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдёшь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича.

А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит: и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зелёные, и солнышко греет. Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать вёрст и в длину и в поперёк — одни рвы, буераки да каменье острое! Чтоб к завтрему было там как ладонь гладко и была бы рожь посеяна и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней могла галка схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идёт Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается.

Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменье острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее, всё будет готово!

Лёг спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, сносите каменье острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проспулся на заре Иван-царевич, глянул — всё готово; нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нём рожь — столь высока, что галка схоронится.

Пошёл к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, — говорит морской царь, — что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копён — всё пшеница белоярая; обмолоти мне к завтрему всю пшеницу чисто-начисто, до единого зёрнышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич; опять идёт по двору да слезами обливается.

— О чём горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич лёг спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовёт морской царь Ивана-царевича:

— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдём посмотрим.

Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы — все закрома полнёхоньки зерном.

— Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь. — Сделай мне ещё церковь из чистого воску, чтоб к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идёт Иван-царевич по двору и слезами умывается.

— О чём горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это ещё не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич улёгся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчёлы работящие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова.

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошёл к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня не было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства оберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жёны.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую, тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался

Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдём мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитряться!

Плюнула Василиса Премудрая в трёх углах, заперла двери в своём тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранёхонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитеся, пробудитеся! Вас батюшка зовёт.

— Ещё рано, мы не выспались, приходите после! — отвечает одна слюнка. Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите немного, встанем оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные:

— Царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто. Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский тон!

— Это за нами гонятся! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зелёным лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царевич, — сорок лет как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролётывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не нaехали, видели только: пастух овечку насёт.

— Что ж не хватали? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях.

— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Ивал-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонятся! — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила старепьким попом, а лошадей деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролётывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

— Что ж вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонку за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слыхать ли погони?

Слез царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озерсм Ивана-царевича селезнем, а сама сделалась уткою. Приска-

кал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орёл убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнёт; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнёт! Бился, бился, так ничего и не смог сделать.

Поскакал царь морской в своё подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство.

— Подожди меня в этом лесочке, — говорит царевич Василисе Премудрой, — я пойду, доложусь паперёд отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!

Пришёл Иван-царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую. Живёт день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

— Разгадай, хозяюшка, что будет из этих голубков?

— А что будет? Съедим их — вот и всё!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту ж минуту голуби встрепенулися, полетели прямо во дворец и начали биться в окна. Сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашёл её у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привёл к отцу, к матери, и стали все вместе жить, да поживать, да добра наживать.

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Встретился с лисицей журавль:

— Что, лисица, умеешь ли летать?

— Нет, не умею.

— Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унёс её журавль высоко-высоко.

— Что, лисица, видишь ли землю?

— Едва вижу: с овчину земля кажется!

Журавль её и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сенную кучу.

Журавль подлетел:

— Ну как, умеешь, лисица, летать?

— Летать-то умею — садиться тяжело!

— Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унёс он её и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю.

Так лисица и не научилась летать.

ЛИСА И КУВШИН

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет, — отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать, — поиграл, да и полно!

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

— Погоди же ты, проклятый, не отстаёшь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Жили-были медведь и лиса.

У медведя в избе на чердаке была припасена кадушка мёду.

Лиса про то сведала. Как бы ей до мёду добраться?

Прибежала лиса к медведю, села под окошечко:

— Кум, ты не знаешь моего горечка!

— Что, кума, у тебя за горечко?

— Изба моя худая, углы провалились, я и печь не топила. Пусти к себе почевать.

— Поди, кума, перепочуй!

Вот легли они спать на печке. Лиса лежит да хвостом вертит. Как ей до мёду добраться? Медведь заснул, а лиса — тук-тук хвостом.

Медведь спрашивает:

— Кума, кто там стучит?

— А это за мной пришли, на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Вот лиса ушла. А сама влезла на чердак и почала кадушку с мёдом. Наелась, воротилась и опять легла.

— Кума, а кума, — спрашивает медведь, — как назвали-то?

— Починочком.

— Это имечко хорошее.

На другую ночь легли спать, лиса — тук-тук хвостом:

— Кум, а кум, меня опять на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Лиса влезла на чердак и до половины мёд-то и поела. Опять воротилась и легла.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Половиночком.

— Это имечко хорошее.

На третью ночь лиса — тук-тук хвостом:

— Меня опять на повой зовут.

— Кума, а кума, — говорит медведь, — ты не долго ходи, а то я блины хочу печь.

— Ну, это я скоро обернусь.

А сама — на чердак и докопчила кадушку с мёдом, всё выскребла. Воротилась, а медведь уже встал.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Поскрёбышком.

— Это имечко и того лучше. Ну, теперь давай блины печь.

Медведь напёк блинов, а лиса спрашивает:

— Мёд-то у тебя, кум, где?

— А на чердаке.

Полез медведь на чердак, а мёду-то в кадушке нет — пустая.

— Кто его съел? — спрашивает. — Это ты, кума, больше некому!

— Нет, кум, я мёд в глаза не видала. Да ты сам его съел, а на меня говоришь!

Медведь думал, думал...

— Ну, — говорит, — давай пытать, кто съел. Ляжем на солнышке вверх брюхом. У кого мёд вытопится — тот, значит, и съел.

Легли они на солнышке. Медведь уснул. А лисе не спится. Глядь-поглядь — на животе у неё и показался медок. Она ну-ко скорее перемазывать его медведю на живот.

— Кум, а кум! Это что? Вот кто мёд-то съел!

Медведь — делать печего — повинился.

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрёл на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдёт в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашёл и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошёл к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама всё спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несёт домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придётся, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придётся!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идёт лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придётся!

Медведь пошёл за быком, а лиса — домой.

Вот принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохпат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц.

Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идёт ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберётся!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услыхал, что листья шеве-

лятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печёнки отбил, вскочил — да наутёк.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Шёл бык лесом, попадается ему навстречу баран.

— Куда, баран, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — говорит баран.

— Пойдём со мною!

Вот пошли вместе, попадается им навстречу свинья.

— Куда, свинья, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает свинья.

— Иди с нами.

Пошли втроём дальше, навстречу им гусь.

— Куда, гусь, идёшь? — спрашивает бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает гусь.

— Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошёл за ними. Идут, а навстречу им петух.

— Куда, петух, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает петух.

— Иди за нами!

Вот они идут путём-дорогою и разговаривают промеж себя:

— Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

— Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замёрзнем.

Баран говорит:

— У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь! зароюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

— А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмёт; я и так прозимую.

Петух говорит:

— А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живёт в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью.

Тут пришли к быку гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе погреться.

— Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

— А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

— Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на чердак и всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, — быка, для тебя, волк, — барана, а для себя — петуха.

— Хорошо, кумушка! — говорят медведь и волк. — Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдём же приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперёд!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперёд!

Ладно, пошёл медведь; только что в дверп — бык наклонил голову и припёр его рогами к стенке. А баран разбежался, да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвёт и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брусу и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услыхали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

— Ну, что было мне! Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошёл я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьёт, кто рвёт, кто шилом в глаза колет. А ещё один на брусу сидел да всё кричал: «Подайте сюда, подайте сюда!» Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришёл к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так, — сказал медведь. — А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езди.

Сказал и ушёл в дуброву.

Репа выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повёз в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел. — Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увёз домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

МЕДВЕДЬ — ЛИПОВАЯ НОГА

Жили-были старик со старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошёл посмотреть и видит: много репы нарвано да разбросано кругом.

Воротился он домой и рассказывает старухе.

А она ему говорит:

— Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверное, это медведь проказит! Поди-ка, старик, покарауль вора!

Старик взял топор и пошёл караулить на ночь. Лёг под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу — нагреб целое беремя и полез через плетень.

Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушёл на трёх лапах в лес.

Старик взял отрубленную лапу, принёс домой:

— На, старуха, вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прясть.

Старуха прядёт. А медведь сделал себе липовую ногу и пошёл к старику со старухой.

Вот медведь идёт, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

— Скырлы, скырлы, скырлы,
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо варит.

Старуха услышала это и говорит:

— Поди-ка ты, старик, запри дверь, медведь идёт...

А медведь уже в сени вошёл, дверь отворяет, сам приговаривает:

— Скырлы, скырлы, скырлы,
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо варит.

В те поры старик со старухой испугались.

Старик спрятался на полати под корыто, а старуха — на печь, под чёрные рубахи.

Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой да и угодил в подполье.

Тут собрался народ, и убили медведя.

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал Кузьма, один-одинёшенек в тёмном лесу. Ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать — и не заводил.

Вот поставил он капкан. Утром пошёл посмотреть — попала лисица.

— Ну, лисицу теперь продам, деньги возьму, на то и жениться буду.

Лисица ему говорит:

— Кузьма, отпусти меня, я тебе великое добро доспею, сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым, только ты изжарь мне одну курочку с масличком — пожирнее.

Кузьма согласился. Изжарил курочку. Лиса наелась мясца, побежала в царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Бежит волк и спрашивает:

— Чего, кума, катаешься, лаешь?

— Как мне не кататься, не лаять! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Волк и просит:

— Лисанька, не сведёшь ли меня к царю на обед?

— Станет царь из-за одного тебя беспокоиться. Собирайтесь вы — сорок волков, тогда поведу вас в гости к царю.

Волк стал по лесу бегать, волков собирать. Собрал сорок волков, привёл их к лисице, и лиса повела их к царю.

Пришли к царю, лиса забежала вперёд и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками.

Царь обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду, запереть накрепко и сам думает: «Богатый человек Кузьма!»

А лисица побежала к Кузьме. Велела изжарить ещё одну курочку с масличком — пожирнее, пообедала сытно и пустилась на царские заповедные луга.

Катается, валяется по заповедным лугам. Бежит медведь мимо, увидал лису и говорит:

— Эк ведь, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

А лиса ему:

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Медведь стал просить:

— Лиса, не сведёшь ли меня к царю на обед?

— Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет. Собери сорок чёрных медведей — поведу вас в гости к царю.

Медведь побежал в дуброву, собрал сорок чёрных медведей, привёл их к лисе, и лисица привела их к царю. Сама забежала вперёд и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока медведями.

Царь весьма тому обрадовался, приказал загнать медведей и запереть накрепко. Сам думает: «Вот какой богатый человек Кузьма!»

А лисица опять прибежала к Кузьме. И велела зажарить курочку с петушком, с масличком — пожирнее. Скушала на здоровье — и давай кататься в царских заповедных лесах.

Бежит мимо соболь с куницею:

— Эк, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Соболь и куница стали упрашивать лису:

— Кумушка, своди нас к царю. Мы хоть посмотрим, как пируют.

Лиса им говорит:

— Соберите сорок сороков соболей да куниц — поведу вас к царю.

Согнали соболь и куница сорок сороков соболей и куниц. Лиса привела их к царю, сама забежала вперёд:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока сороками соболей да куниц.

Царь не может надивиться богатству Кузьмы Скоробогатого. Велел и этих зверей загнать, запереть накрепко.

«Вот, — думает, — беда какой богач Кузьма!»

На другой день лисица опять прибегает к царю:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый приказал тебе кланяться и просит ведро с обручами — мерять серебряные деньги. Свои-то вёдра у него золотом заняты.

Царь без отказу дал лисе ведро с обручами. Лиса прибежала к Кузьме и велела мерять вёдрами песок, чтобы высветлить у ведра бочок.

Как высветлило у ведра бочок, лиса заткнула за обруча сколько-то мелких денежек и понесла назад царю. Принесла и стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого.

Царь видит — денег миого у Кузьмы: за обруча западали, он и не заметил. Царь не отказывает, велит Кузьме изготовиться и приезжать.

Поехал Кузьма к царю. А лисица вперёд забежала и подговорила работников подпилить мостик.

Кузьма только что въехал на мостик — он вместе с ним и рушился в воду.

Лисица стала кричать:

— Ахти! Пропал Кузьма Скоробогатый!

Царь услыхал и тотчас послал людей перехватить Кузьму. Вот они перехватили его, а лиса кричит:

— Ахти! Надо Кузьме одёжу дать — какую получше.

Царь дал Кузьме свою одёжу праздничную.

Приехал Кузьма к царю. А у царя ни пива варить, ни вина курить — всё готово.

Обвенчался Кузьма с царевной и живёт у царя неделю, живёт другую.

— Ну, — говорит царь, — поедем теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Кузьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисица отправилась вперёд. Видит — пастухи стерегут стадо овец, она их спрашивает:

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасёте?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньица: коли не скажете им, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, они вас всех и с овцами-то сожгут и спалят!

Пастухи видят, что дело неминучее, и обещали сказывать про Кузьму Скоробогатого, как лиса научила.

А лиса пустилась вперёд. Видит — другие пастухи стерегут коров.

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасёте?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что стадо это Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньица: они вас всех с коровами сожгут и спалят, коли станете поминать Змея Горыныча!

Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперёд. Добегает до конского табуна Змея Горыныча, велит пастухам сказывать, что этот табун Кузьмы Скоробогатого.

— А то едут царь Огонь да царица Молоньица: они всех вас с конями сожгут и спалят!

И эти пастухи согласились.

Лиса бежит вперёд. Прибегает к Змею Горынычу прямо в белокаменные палаты:

— Здравствуй, Змей Горыныч!

— Что скажешь, лисанька?

— Ну, Змей Горыныч, теперь тебе надо скоро-наскоро прятаться. Едет грозный царь Огонь да царица Молоньица, всё жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать — пустилась к тебе сказать, что сама чуть от дыма не задохлась.

Змей Горыныч закручинился:

— Ах, лисанька, куда же я подеваюсь?

— Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги, схоронись в дупле, пока царь Огонь с царицей Молоньицей мимо не проедут.

Змей Горыныч со страху спрятался в это дупло, как лиса научила.

Кузьма Скоробогатый едет себе да едет с царём да с женой-царевной. Доезжают они до овечьего стада. Царевна спрашивает:

— Пастушки́, чьё стадо пасёте?

— Кузьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад:

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Едут дальше, доезжают до коровьего стада.

— Пастушки, чьё стадо пасёте?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зять, много же у тебя коров!

Едут они дальше, пастухи лошадей пасут.

— Чей табун?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя копей!

Вот приехали ко дворцу Змея Горыныча.

Лиса встречает гостей, низко кланяется, вводит их в палаты белокаменные, сажает их за столы дубовые, за скатерти бранные...

Стали они пировать, пить-есть и веселиться. Пируют день, пируют другой, пируют они неделю.

Лиса и говорит Кузьме:

— Ну, Кузьма! Перестань гулять — надо дело исправлять. Ступай с царём в зелёный сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части.

Кузьма пошёл с царём в зелёный сад. Увидели они

старый заповедный дуб, и стали они в тот дуб стрелять. Тут Змею Горынычу и смерть пришла.

Кузьма Скоробогатый стал жить-поживать с женой-царевной в палатах белокаменных и лисаньку всякий день угощать курочкой.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жили старик со старухою. Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку.

Вдруг услышала — кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик.

Удивилась старуха, испугалась:

— Ты кто таков?

— Я твой сынок, народился из твоего мизинчика.

Взяла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно. И назвала его Мальчик с пальчик.

Стал он у них расти. Ростом мальчик не вырос, а разумом умнее большого оказался.

Вот он раз и говорит:

— Где мой батюшка?

— Поехал на пашню.

— Я к нему пойду, помогать стану.

— Ступай, дитятко.

Пришёл он на пашню:

— Здравствуй, батюшка!

Осмотрелся старик кругом:

— Что за чудо! Голос слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мной?

— Я — твой сынок. Пришёл тебе помогать пахать. Садись, батюшка, закуси да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать. А Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать, а отцу наказал:

— Коли кто будет торговать меня, продавай смело: небось — не пропаду, назад домой приду.

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идёт, соха орёт, а человека нет!

— Этого ещё видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

Старик говорит барину:

— Что ты, разве ослеп? То у меня сын пашет.

— Продай мне его!

— Нет, не продам: нам только и радости со старухой, только и утехи, что Мальчик с пальчик.

— Продай, дедушка!

— Ну, давай тысячу рублей.

— Что так дорого?

— Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку лёгок!

Барин заплатил тысячу рублей, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой.

А Мальчик с пальчик прогрыз дыру в кармане и ушёл от барина.

Шёл, шёл, и настигла его тёмная ночь.

Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул.

Набежал голодный волк и проглотил его.

Сидит Мальчик с пальчик в волчьем брюхе живой, и горя ему мало!

Плохо пришлось серому волку: увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, а только подкрадётся овцу унести — Мальчик с пальчик и закричит во всё горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Спишь, а волк овцу тащит!

Пастух проснётся, бросится бежать на волка с дубиною да ещё притравит его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летят! Еле-еле уйдёт серый волк!

Совсем волк отощал, пришлось пропадать с голоду. Просит он Мальчика с пальчик:

— Вылези!

— Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу.

Делать нечего. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу.

Мальчик с пальчик тотчас выскочил из волчьего брюха:

— Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил кочергу, старуха ухват — и давай бить волка. Тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали.

ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЬ

Жили-были старик да старуха. Не было у них детей. Старуха и говорит:

— Старик, вылепи из глины паренька, будто и сын будет.

Старик вылепил из глины паренька. Положили его на печку сушить. Высох парень и стал просить есть:

— Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку.

Принесла ему старуха это, а он съел всё и опять просит:

— Есть хочу! Есть хочу!

И съел он у старика со старухой весь хлеб, выпил всё молоко и опять кричит:

— Есть хочу! Есть хочу!

Нечего ему больше дать. Глиняный парень соскочил с печки и съел бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и пошёл на улицу.

Идёт навстречу бык. Глиняный парень говорит ему:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и тебя, бык, съем!

Да и съел быка.

Идёт дальше. Навстречу дроворубы с топорами. Глиняный парень и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами — и вас всех съем!

И съел дроворубов с топорами.

Идёт дальше. Навстречу ему мужики с косами да бабы с граблями. Глиняный парень им говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами — и вас всех съем!

Съел мужиков с косами да баб с граблями и дальше пошёл. Встретил Глиняный парень козла и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами, мужиков с косами, баб с граблями — и тебя, козёл, съем!

А козёл ему говорит:

— Да ты не трудись, стань под горку, а я стану на горку, разбегусь да тебе в рот и прыгну.

Стал Глиняный парень под горку, а козёл разбежался с горы да рогами в брюхо как ударит! Тут и рассыпался Глиняный парень.

И вышли из брюха бабка с прялкой, дедка с клюшкой, бык с рогами, дроворубы с топорами, мужики с косами да бабы с граблями.

Всех козёл избавил.

КРИВАЯ УТОЧКА

Жили-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес и нашли уточку. А та уточка была кривая. Они её взяли и принесли домой.

Назавтра встали и опять пошли за грибами, а ей сделали у́течье гнёздышко из перьев.

Они ушли, а уточка обернулась девушкой, избу вымыла, воды наносила и пирогов испекла.

Дед и баба пришли и спрашивают:

— Кто это у нас так всё прибрал?

А соседи им говорят:

— У вас тут кривенька девушка воду носила.

Вот дед и баба и назавтра ушли да и спрятались в чулан. Уточка обернулась девушкой и пошла за водой. А дед да баба выскочили да её пёрышки и бросили в печь. Пёрышки все и сгорели.

Тут пришла девушка и заплакала. Стала просить у деда, у бабы золотую прялочку. Села на крылечко и прядёт куделю. Тут летит стадо гусей-лебедей. Она и говорит:

— Гуси мои любезные, дайте мне по пёрышку.

А те говорят:

— Другие летят, те дадут.

Опять летит стадо гусей-лебедей.

— Гуси мои любезные, дайте мне по пёрышку.

— Другие летят, те дадут.

Тут летит одинокий гусь, он и бросил ей пёрышки. Стала она опять уточкой и улетела.

Поплакали дед с бабой, да пичего не выплакали.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В некотором царстве, в пекотором государстве жил да был старик со старухою, и был у них сып Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотою, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью питал. Пришло время — заболел старик и умер. Мартынка с матерью потужили-поплакали, да делать-то нечего: мёртвого назад

не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был. Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься. Старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей починать кубышку, однако сколько ни крепилась, а починать нужно — не с голоду ж помирать!

Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

— Ну, Мартынка, вот тебе сто целковников; пойди попроси у соседей лошадь, поезжай в город да закупи хлеба; авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работы искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадью и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое?

А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют её палками; собака рвётся, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

— Братцы! За что вы бедного пса так бьёте немилостиво?

— Да как его, проклятого, не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины спортил!

— Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

— Пожалуй, купи, — говорит один мужик шутя, — давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой.

Пёс начал к нему ластиться, хвостом так и вертит: понимает, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье.

— Что ты завираешься, какое там счастье?

— А вот он — Журка!

И кажет ей собаку.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы; только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась:

— Нам, — говорит, — самим есть нечего: нынче последние поскрёбышки по закромам собрала да лепёшку спекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха ещё сто рублей, отдаёт Мартынке и наказывает:

— На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться. Попался ему на глаза злой мальчишка; поймал тот мальчишка кота, зацепил верёвкой за шею и давай тащить на реку.

— Постой! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?

— Хочу его утопить, проклятого!

— За какую провинность?

— Со стола пирог стянул.

— Не топи его, лучше продай мне.

— Пожалуй, купи: давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчику, а кота посадил в мешок и повёз домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Кота Ваську.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы ещё что-нибудь.

— Ах ты, дурак этакий! — закричала на него старуха. — Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям.

Пошёл Мартынка в соседнее село искать работы; идёт дорогою, а следом за ним Журка с Ваською бегут.

Навстречу ему поп:

— Куда, свет, идёшь?

— Иду в батраки наниматься.

— Ступай ко мне; только я работников без ряды беру: кто у меня прослужит три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал.

Пришёл срок к расплате, зовёт его хозяин:

— Ну, Мартынка! Иди — получай за свою службу.

Привёл его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

— Какой хочешь, тот и бери!

Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок — и раздумался: «Эта штука неспроста

приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?»

Говорит он хозяину:

— Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

— Ну, свет, твоя добрая воля; бери, коли серебром брезгуешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошёл искать другого места; шёл-шёл и забрёл в тёмный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит красная девица:

— Мартын вдовин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, — подумал Мартынка, — чем таскать с собою этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Не велико богатство — песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать: огонь тотчас погас.

Красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи.

Мартынка испугался.

— Не бойся! — провещала ему змея. — Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство — в подземельное царство; там мой батюшка царствует. Как придёшь к нему на двор, будет он давать тебе много злата, и серебра, и самоцветных каменьев, ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку — тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли, подходит к тридесятому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

— Ступай за мною! — говорит красная девица и повела его под тот камень. Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжился свет — всё светлее да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живёт

отец красной девицы, царь той подземельной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

— Здравствуй, — говорит, — дочь моя милая, где ты столько лет скрывалася?

— Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если б не этот человек: он меня от злой неминучей смерти освободил и сюда в родные места привёл.

— Спасибо тебе, добрый молодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и злата, и серебра, и каменьев самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын вдовин сын:

— Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни серебра, ни каменьев самоцветных: коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой; стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

— На, владей на здоровье, да смотри: никому про кольцо не сказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын вдовин сын поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путём, каким прежде шёл. Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли, воротился на родину, разыскал свою мать, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали. Захотелось Мартынке жениться, пристал он к матери, посылает её свахою:

— Ступай к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

— Эх, сынок, — отвечает старуха, — рубил бы ты дерево по себе — лучше бы вышло. А то, вишь, что выдумал! Ну зачем я к королю пойду? Знамое дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

— Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит, — смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи; а без ответу и домой не ворочайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец; пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прёт без всякого докладу.

Ухватили её часовые:

— Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без докладу...

— Ах вы такие-сякие, — закричала старуха, — я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сынка, а вы хватаете меня за полы.

Такой шум подняла, что и господи упаси! Король услыхал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в государскую комнату, помолилась на иконы и поклонилась королю.

— Что скажешь, старушка? — спросил король.

— Да вот пришла к твоей милости; не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пребольшой умница; а товар — твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли её замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

— Что ты, али с ума сошла? — закричал на неё король.

— Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит дворец, и чтоб от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да ещё пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Если старухин сын всё это сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрён; а если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху; идёт она домой — шатается, горючими слезами заливается.

Увидала Мартынку:

— Ну, — говорит, — сказывала я тебе, сынок: не затевай лишнего; а ты всё своё. Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казнёнными.

— Полно, матушка, авось живы останемся; ложись-ка почивать; утро мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на́ руку — и тотчас явились перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе понадобилось, Мартын вдовин сын?

— А вот что: сделайте мне к свету на этом самом месте богатейший дворец, и чтоб от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да ещё выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцев:

— К завтрему всё будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: всё у них спорится, быстро дело делается. Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит — всё как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками. В те поры и король выступил на балкон, глянул в подзорную трубочку и диву дался: всё по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королевну и велит к венцу снаряжаться.

— Ну, — говорит, — не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Пока королевна умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын вдовин сын вышел на широкий двор и перекинул своё колечко с руки на руку — вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

— Что угодно, что надобно?

— А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестёрку лошадей.

— Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан.

Надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит.

Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляске чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уж давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо.

Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками и король со своими министрами.

Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын вдовин сын прекрасную королевну за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкою богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка что ни день, всё новые дворцы строит да сады разводит. Только королевне больно не по сердцу, что выдали её замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить; прикинулась такою лисою, что и на́ поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да всё про его мудрость выспрашивает. Мартынка крепится, ничего не сказывает.

Вот раз как-то был он у короля в гостях, подпил порядком, вернулся домой и лёг отдохнуть. Тут королевна и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать и таки умаслила: рассказал ей Мартынка про своё чудодейное колечко. «Ладно, — думает королевна, — теперь я с тобою сделаю!»

Только заснул он крепким сном, королевна хвать его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку.

Тотчас явились перед ней двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно, прекрасная королевна?

— Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка; пусть муж мой в бедности остаётся, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

— Рады стараться, всё будет исполнено!

В ту же минуту подхватило её ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? — думает король. — Куда всё девалося?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте, что такое случилося.

Адъютант поскакал верхом, освидетельствовал и, воротясь назад, докладывает государю:

— Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке

ваш зять со своей матерью проживает, а прекрасной королевны и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королевну.

Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить: пусть помрёт с голоду. Явились каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили.

Сидит он, бедный, в заключении не пивши, не евши день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит, мурлыкает, и напустилась на него ругаться:

— Ах ты, подлец Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточён. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил; кабы не он, давно бы тебя черви источили! Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Кот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина; прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

— Еле жив, — отвечает Мартынка, — совсем отощал без еды, пришлось помирать голодною смертью.

— Постой, не тужи; мы тебя и накормим и напоим, — сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился наземь.

— Ну, брат Журка, ведь хозяин наш с голоду помирает; как бы нам ухитриться да помочь ему?

— Дурак ты, Васька! И этого не придумаешь! Пойдём-ка по городу; как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы; тут ты смотри, не плошай, хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлебы да с испугу бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешепая — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку

и потащил к Мартынке; отдал одну — побежал за другою, отдал другую — побежал за третьею.

Так же напугали они мужика с кислыми щами и добыли для своего хозяина не одну бутылочку. После того вздумали кот Васька да собака Журка идти в тридесятое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо: дорога дальняя, много времени утечёт...

Натаскали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

— Смотри же, хозяин, ешь-пей да оглядывайся, чтоб хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли, приходят они к синему морю.

Говорит Журка коту Ваське:

— Я надеюсь переплыть на ту сторону, а ты как думаешь?

Отвечает Васька:

— Я плавать не мастак, сейчас потопу!

— Ну, садись ко мне на спину!

Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю.

Перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышье государство. В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят!

Говорит Журка коту Ваське:

— Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен. Как пошёл расправляться с мышами по-своему; что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать. В неделю наклал большой скирд! На всё царство налегла кручина великая. Видит мышиный царь, что в народе его недочёт оказывается, что много подданных злой смерти предано.

Вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською:

— Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца; лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, всё для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

— Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живёт прекрасная королевна; унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадёшь и царство твоё сгинет: всё как есть опустошим!

— Постойте, — говорит мышиный царь, — я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выспрашивать: не возьмётся ли кто из них пробраться во дворец к королевне и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок.

— Я, — говорит, — в том дворце часто бываю; днём королевна носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладёт его в рот.

— Ну-ка постарайся добыть его; коли сослужишь эту службу, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залёг потихоньку в спальню. Смотрит — королевна крепко спит. Он вполз на постель, всунул королевне в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрях. Она чихнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковёр.

Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнёс к своему царю. Царь мышиный отдал кольцо сильномогучим богатырям коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкою совет держать: кто лучше кольцо сбережёт?

Кот Васька говорит:

— Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

— Ладно, — говорит Журка, — смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря, Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море. Плывёт час, плывёт другой; вдруг откуда ни возьмись — прилетел чёрный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову.

Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться? Если пустить в дело лапы — чего доброго опрокинешься в море и на дно пойдёшь; если показать ворону зубы, — пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец невмоготу стало: продолбил ему ворон буйную голову до крови; озло-

бился Васька, стал зубами обороняться — и уронил кольцо в синее море. Чёрный ворон поднялся вверх и улетел в тёмные леса.

А Журка, как скоро выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит, голову понуривши.

— Прости, — говорит, — виноват, брат, перед тобою — ведь я кольцо в море уронил.

Напустился на него Журка:

— Ах ты, олух проклятый! Счастлив твой бог, что я прежде того не спознал; я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так теперь станем за раками охотиться; авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков душить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе.

Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить на все стороны.

— Не душите меня, сильномогучие богатыри. Я — царь над всеми раками; что прикажете, то и сделаю.

— Мы уронили кольцо в море; разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого всё твоё царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать.

Вызвался один малый рак.

— Я, — говорит, — знаю, где оно находится: как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацапали её, бедную, и давай щипать клешнями. Уж они её гоняли, гоняли, просто на единый миг спокою не дают; рыба и туда и сюда, вертелась, вертелась и выскочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

— Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина. Теребите её немилостиво, она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал её с хвоста уписывать. «Ну, — думает, — досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, — принялся за белужье брюхо, прогрыз дыру, повытаскал кишки и живо на кольцо напал.

Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги; что есть силы бежит, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один всё дело устроил; будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

— Так врёшь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие кусочки разорву.

Побежал Журка в погоню, долго ли, коротко ли, нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой немилучею. Васька усмотрел в поле берёзу, вскарабкался на неё и засел на самой верхушке.

— Ладно, — говорит Журка. — Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь; а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на берёзе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую.

Помирились и отправились вместе к своему хозяину, прибежали к столбу.

Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

— Жив ли, хозяин?

— Здравствуй, Васенька! Я уж думал, вы не воротитесь; три дня как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку — и тотчас явилось к нему двенадцать молодцев.

— Что угодно, что надобно?

— Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перепесите сюда мою неверную жену; чтобы к утру всё было готово.

Сказано — сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подзорную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками.

Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли всё стало по-прежнему или только ему привиделось. Мартынка встречает его у ворот, берёт за белые руки и ведёт в свои расписные палаты.

— Так и так, — докладывает, — вот что со мной королевна сделала.

Король присудил её казнить: по его слову королевскому взяли неверпую жену, привязали за хвост к дикому жеребцу и пустили в чистое поле. Жеребец полетел стрелою и размыкал её белое тело по яругам, по крутым оврагам.

А Мартынка и теперь живёт, хлеб жуёт.

БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был грозный царь — славен во всех землях, страшен всем королям и королевичам.

Задумал царь жениться и отдал такой указ по всем городам и сёлам: кто найдёт ему невесту краснее солнца, яснее месяца и белее снегу, того наградит он несметным богатством.

Пошла о том слава по всему царству; от малого до великого все судят, толкуют, а ни единый человек не вызывается отыскать такую красавицу.

Недалеко от царского дворца стоял большой пивоваренный завод. Собрался как-то рабочий народ и завёл разговор, что вот-де можно бы много денег от царя получить, да где этакую невесту достать!

— Да, братцы, — говорит один мужик, по имени Никита Колтома, — без меня никому не найти для царя невесты; а коли я возьмусь, так наверно найду!

— Что ты, дурень, расхвастался! Где тебе это дело сделать? Есть люди знатные, богатые — не нам чета, да и те хвосты прижали! Тебе и во сне этого не приснится, а не то что наяву...

— Да уж там как хотите, а я на себя надеюсь; сказал: достану — и достану!

— Эх, Никита, не хвались! Сам ведаешь, царь у нас грозный; за пустую похвальбу велит казнить тебя.

— Небось не казнит, а деньгами наградит.

Тотчас доложили эти речи самому царю; царь обрадовался и велел представить Никиту перед свои светлые

очи. Набежали солдаты, схватили Никиту Колтому и потащили во дворец.

А товарищи ему вслед кричат:

— Что, брат, договорился? Ты думаешь с царём шутки шутить! Ну-ка ступай теперь на расправу!

Приводят Никиту в большие палаты, говорит ему грозный царь:

— Ты, Никита, похваляешься, что можешь достать мне невесту краше солнца, ясней месяца и белее снегу!

— Могу, ваше величество!

— Хорошо, братец! Коли ты мне заслужишь — награжу тебя казною несметною и поставлю первым министром; а коли соврал — то мой меч, твоя голова с плеч!

— Рад стараться, ваше величество! Прикажите наперёд погулять мне один месяц.

Царь на это был согласен и дал Никите открытый лист за своей подписью, чтобы во всех трактирах и харчевнях отпускали ему безденежно всякие напитки и кушанья.

Никита Колтома пошёл по столице гулять; в какой трактир ни зайдёт — только покажет открытый лист, тотчас несут ему всё, чего душа требует. Гуляет он день, два и три, гуляет неделю, и другую, и третью; вот и срок вышел.

Время к царю являться; попрощался Никита со своими приятелями, приходит во дворец и просит у царя собрать ему двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос и голос в голос, да приготовить ещё тринадцать белотканых шатров с золотыми узорами.

У царя живо готово: вмиг собраны молодцы и шатры поделаны.

— Ну, ваше величество, — говорит Никита, — теперь собирайтесь да поедемте за невестою.

Оседлали они своих добрых коней, навьючили шатры, простились с городскими жителями, сели на коней и поскакали — только пыль столбом!

Едут день, и два, и три — стоит в чистом поле кузница.

Говорит Никита:

— Поезжайте прямо, а я пока забегу в кузницу да закурю трубку.

Входит в кузницу, а в ней пятнадцать кузнецов железо куют, молотами постукивают.

— Бог помочь, братцы!

— Спасибо, добрый человек!

— Сделайте мне прут в пятнадцать пуд.

— Сделать-то мы не прочь, да кто станет железо поворачивать? Пятнадцать пуд — не шутка!

— Ничего, братцы! Вы бейте молотами, а я стану поворачивать.

Кузнецы принялись за работу и сковали железный прут в пятнадцать пуд. Никита взял этот прут, вышел в поле, подбросил его вверх на пятнадцать сажен и подставил свою руку: железный прут упал ему на руку, богатырской крепости не выдержал — пополам переломился. Никита Колтома заплатил кузнецам за труды, бросил им изломанный прут и уехал.

Нагоняет своих товарищей; едут они ещё три дня — опять стоит в чистом поле кузница.

— Поезжайте вперёд, а я зайду в кузницу, — говорит Никита.

Вошёл в кузницу, а в ней двадцать пять кузнецов железо куют, молотами постукивают...

— Бог помочь, ребята!

— Спасибо, добрый человек!

— Скуйте мне прут в двадцать пять пуд.

— Сковать — неважное дело, да где тот силач, что столько железа ворочать будет?

— Я сам буду ворочать.

Взял он двадцать пять пуд железа, раскалил докрасна и стал на наковальне поворачивать, а кузнецы знай молотами бьют. Сделали прут в двадцать пять пуд. Никита взял тот железный прут, вышел в поле, подкинул его вверх на двадцать пять сажен и подставил свою руку. Прут ударился о богатырскую руку и разломился надвое.

— Нет, не годится! — сказал Никита, заплатил за работу, сел на коня и уехал.

Нагоняет своих товарищей.

Едут они день, другой и третий — опять стоит в чистом поле кузница.

Говорит Никита товарищам:

— Поезжайте вперёд, а я зайду в кузницу — трубку закурю.

Вошёл в кузницу, а в ней пятьдесят кузнецов старика мучают: на наковальне седой старик лежит, десять человек держат его клещами за бороду, а сорок молотами по бокам осаживают.

— Братцы, помилуйте! — кричит старик во весь голос. — Отпустите душу на покаяние!

— Бог помочь! — говорит Никита.

— Спасибо, добрый человек! — отвечают кузнецы.

— За что вы старика мучаете?

— А вот за что: должен он нам всем по рублю, да не отдает; как же не бить его?

«Экий несчастный, — думает Никита, — за пятьдесят рублей да этакую казнь принимает».

И говорит кузнецам:

— Послушайте, братцы, я вам за него плательщик, отпустите старика на волю.

— Изволь, добрый человек! Для нас всё равно — с кого ни получить, лишь бы деньги были.

Никита Колтома выпул пятьдесят рублей; кузнецы взяли деньги и только выпустили старика из железных клещей — как он в ту же минуту с глаз пропал!

Смотрит Никита:

— Да куда же он девался?

— Вона! Ищи его теперь, — говорят кузнецы, — ведь он — колдун!

Заказал Никита сковать железный прут в пятьдесят пуд; взял его, подбросил вверх на пятьдесят сажен и подставил свою руку: прут выдержал, не изломался.

— Вот этот годится, — сказал Никита и поехал догонять товарищей.

Вдруг слышит позади себя голос:

— Никита Колтома, постой!

Оглянулся назад и видит — бежит к нему тот самый старик, которого он от казни выкупил.

— Спасибо тебе, добрый человек, — говорит старик, — что ты меня от злой муки избавил. Ведь я ровно тридцать лет терпел этакое горе. Вот тебе на память подарок: возьми — пригодится.

И дает ему шапку-невидимку:

— Только надень на голову — никто тебя не увидит!

Никита взял шапку-невидимку, поблагодарил старика и поскакал дальше. Нагнал своих товарищей, и поехали все вместе.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, подъезжают они к одному дворцу. Кругом тот дворец обнесён высокою железною оградою: ни войти на двор, ни въехать добрым молодцам.

Говорит грозный царь:

— Ну, брат Никита, ведь дальше нам ходу нет.

Отвечает Никита Колтома:

— Как не быть ходу, ваше величество! Я всю вселенную изойду, а вам невесту найду. Эта ограда нам не у́держа... Ну-ка, ребята, ломайте ограду, делайте ворота на широкий двор.

Добрые молодцы послезали с коней, принялись за ограду, только что ни делали — не могли сломать: стоит ограда, не рушится.

— Эх, братцы, — говорит Никита, — все-то вы мелко плаваете, нечего на вас мне надеяться, приходится самому хлопотать.

Соскочил Никита со своего коня, подошёл к ограде, ухватился богатырскими руками за решётку, дёрнул раз — и повалил всю ограду наземь. Въехали грозный царь и добрые молодцы на широкий двор и там на зелёном лугу разбили свои шатры белотканые с золотыми узорами; закусили чем бог послал, легли спать и с устатку заснули крепким сном.

Всем по шатру досталося, только нет шатра Никите Колтоме.

Отыскал он три рогожи дырявые, сделал себе шалаш, лёг на голой земле, а спать не спит, дожидается, что будет.

На заре на утренней проснулась в своем тереме царевна Елена Прекрасная, выглянула в косящетое окошечко и усмотрела: стоят на зелёном лугу тринадцать белотканых шатров, золотыми цветами вышиты, а впереди всех стоит шалаш — из рогож сделан.

«Что такое, — думает царевна. — Откуда эти гости понаехали?»

Глядь — а железная ограда разломана. Крепко разгневалась Елена Прекрасная, призывает к себе сильномогучего богатыря и приказывает:

— Сейчас на копя садись, поезжай к этим шатрам и предай всех ослушников смерти; трупы за ограду повыбросай, а шатры ко мне представь.

Сильномогучий богатырь оседлал своего доброго коня, оделся в доспехи воинские и напущается на незваных гостей.

Усмотрел его Никита Колтома, стал спрашивать:

— Кто едет?

— А ты что за невежа, спрашиваешь?

Те слова Никите не показались, выскочил он из своего шалаша, ухватил богатыря за ногу и стащил с лошади на сырую землю, поднял железный прут в пятьдесят пуд, отвесил ему единый удар и говорит:

— Теперь ступай к своей царевне обратно да скажи ей, чтобы долго не спесивилась, своего бы войска не тратила, а выходила бы замуж за нашего грозного царя.

Богатырь поскакал назад — рад, что Никита живого его на свет пустил! Приехал во дворец и сказывает царевне:

— Это на ваш двор заехали непомерные сплачи, сватают вас за своего грозного царя и велели мне говорить, чтоб вы не спесивились, понапрасну войска не тратили, а выходили бы за того царя замуж.

Как услыхала Елена Прекрасная такие смелые речи, тотчас взволновалася, созвала всех своих сильномогучих богатырей и стала приказывать:

— Слуги мои верные! Соберите войско несметное, разорите шатры белотканые, избейте незваных гостей, чтоб и праху их него не было!

Сильномогучие богатыри, долго не думавши, собрали войско несметное, сели на своих богатырских коней и понеслись на шатры белотканые с золотыми узорами. Только поравнялись с рогожным шалашиком, выскочил перед ними Никита Колтома, взял свой железный прут в пятьдесят пуд и начал им в разные стороны помахивать; в короткое время перебил всё войско и сильномогучих богатырей, только одного богатыря в живых оставил.

— Поезжай, — говорит, — к своей царевне Елене Прекрасной да скажи ей, чтоб она больше войска не тратила: нас войском не испугаешь! Теперь я с вами один сражался; что же будет с вашим царством, как проснутся мои товарищи? Камня на камне не оставим, всё по чисту полю разнесём!

Богатырь воротился к царевне, рассказал, что войско побито, что на таких витязей никакой силы не хватит. Елена Прекрасная послала звать грозного царя во дворец, да тут же приказала калёную стрелу изготовить; а сама вышла встречать гостей с ласкою, с честью. Идёт царевна навстречу, а за ней пятьдесят человек лук и стрелу несут. Никита Колтома увидал богатырский лук, тотчас догадался, что тою стрелою хотят их потчевать, надел на голову шапку-невидимку, подскочил,

натянул лук и направил стрелу в царевнины терема — в одну минуту весь верхний этаж сшиб!

Нечего делать, берёт Елена Прекрасная грозного царя за руку, ведёт в белокаменные палаты, сажает за столы дубовые, за скатерти браные: стали пить, есть, веселиться. В палатах убранство чудное: весь свет обойти, такого нигде не найдёшь.

После обеда говорит Никита грозному царю:

— Нравится ли вашему величеству невеста? Аль за другою ехать?

— Нет, Никита, нечего попусту ездить; лучше этой в белом свете нет!

— Ну и женитесь, теперь она в ваших руках. Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первые три ночи станет она вашу силу пытать, наложит свою руку и станет крепко-крепко давить; вам ни за что не стерпеть! В те поры уходите поскорей из комнаты, а я на ваше место приду и живо её усмирю.

Вот и принялись за свадьбу; у царей ни мёд варить, ни вино курить — всё готово. Сыграли свадьбу, и пошёл грозный царь с Еленою Прекрасною оночив держать.

Лёг на мягкую постель и притворился, будто спать хочет. Елена Прекрасная наложила ему на грудь свою руку и спрашивает:

— Тяжела ли моя рука?

— Так тяжела, как перо на воде, — отвечает грозный царь, а сам еле дух переводит: так ему грудь сдавило!

— Постой-ка, Елена Прекрасная, ведь я позабыл назавтра приказ отдать, надо теперь пойти...

Вышел из спальни, а у дверей Никита стоит:

— Ну, братец, правду ты сказал: чуть-чуть меня совсем не удушила.

— Ничего, ваше величество! Постойте здесь, я это дело сделаю, — сказал Никита, пошёл к царевне, лёг на постель и захрапел.

Елена Прекрасная подумала, что то грозный царь воротился, наложила на него свою руку, давила, давила — нет толку! Наложила обе руки и ну давить пуще прежнего... А Никита Колтома ухватил её, будто во сне, да как бросит об пол — все терема так и затряслись! Царевна поднялась, легла потихоньку и заснула.

Тут Никита встал, вышел к царю и говорит:

— Ну, теперь смело ступайте, до другой ночи ничего не будет!

Вот так-то, с помощью Никиты Колтомы, отбыл грозный царь три первые ночи и стал жить со своею царевною Еленою Прекрасною.

Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозный царь её обманом взял, что сила у него не великая, что люди над нею насмехаются: Никита-де с царевной три ночи спал!

Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть.

Вздумал царь в своё государство ехать, говорит Елене Прекрасной:

— Полно нам здесь проживать, пора и домой побывать; собирайся-ка в дорогу.

И собрались они морем ехать; нагрузили корабль разными драгоценными вещами, сели и пустились по морю. Плывут день, и другой, и третий; царь весел, не нарадуется, что везёт к себе царевну краше солнца, ясней месяца, белей снега; а Елена Прекрасная свою думу думает: как бы отплатить за обиду.

На ту пору одолел Никиту богатырский сон, и уснул он на все на двенадцать суток. Как увидала Елена Прекрасная, что Никита богатырским сном спит, тотчас кликнула своих верных слуг, приказала отрубить ему ноги по колена, после положить его в шлюпку и пустить в открытое море.

Тут же при её глазах отрубили сонному Никите ноги по колена, положили в шлюпку и пустили в море.

На тринадцатые сутки пробудился бедный Никита, смотрит — кругом вода, сам без ног лежит, а корабля и след простыл...

Между тем корабль плыл да плыл, вот и пристань. Загремели пушки, сбежались горожане, и купцы, и бояре, встречают царя хлебом-солью, поздравляют с законным браком.

Царь начал пиры пировать, гостей созывать; а про Никиту и думать позабыл. Да недолго пришлось ему веселиться: Елена Прекрасная скоро лишила его царства, стала всем сама заправлять, а его заставила свиней пасти.

Не уходилось и этим царевнино сердце: приказала по всем сторонам розыск учинить, не остались ли где у Никиты Колтомы родичи? Коли кто найдётся, того во

дворец представить. Поскакали гонцы, начали всюду разыскивать и нашли родного брата Никиты — Тимофея Колтому; взяли его, привезли во дворец.

Царевна Елена Прекрасная приказала выколоть ему глаза и потом выгнать вон из города. В ту ж минуту выкололи Тимофею глаза, вывели его за город и оставили в чистом поле.

Потащился слепой ощупью: шёл, шёл и пришёл на взморье; ступил ещё шаг-другой и чует — под ногами вода; остановился, стоит на одном месте — ни взад, ни вперёд — боится идти.

Вдруг принесло к берегу шлюпку с Никитою. Увидал Никита человека, обрадовался и подаёт ему голос:

— Эй, добрый человек! Помоги мне на землю выйти.

Отвечает слепой:

— Рад бы тебе пособить, да не могу; я сам без глаз — ничего не вижу.

— Да ты откуда и как тебя по имени зовут?

— Я Тимофей Колтома; выколола мне глаза новая царица, Елена Прекрасная, и выгнала из своего царства.

— Ах, да ведь ты мне брат родной: я Никита Колтома. Ступай же ты, Тимоша, в правую сторону — там растёт высокий дуб, вывороти этот дуб, притащи сюда и брось с берега на воду; я по нему к тебе вылезу.

Тимофей Колтома повернул направо, сделал несколько шагов, нащупал высокий старый дуб, обхватил его обеими руками и сразу выворотил с корнем, приволок тот дуб и бросил в воду; одним концом на землю легло дерево, а другим возле шлюпки угодило. Никита выкарабкался кое-как на берег, поцеловался со своим братом и говорит:

— Как-то теперь наш грозный царь поживает?

— Эх, брат, — отвечает Тимофей Колтома, — наш грозный царь теперь в великом бесчестье: пасёт свиней в поле, каждое утро получает фунт хлеба, кружку воды да три розги в спину.

После того стали они разговаривать, как им жить и чем кормиться.

Говорит Никита:

— Слушай, брат, мой совет! Ты меня носить будешь, потому что я без ног, а я на тебе сидеть буду да сказывать, в какую сторону идти надо.

— Ладно! Быть по-твоему; хоть оба увечные, а двое за одного здорового сойдём.

Вот Никита Колтома сел своему брату на шею и стал дорогу показывать. Тимофей шёл, шёл и пришёл в дремучий лес. В том лесу стоит избушка бабы-яги. Вошли братья в избушку — нет ни души.

— А ну-ка, брат, — говорит Никита, — пощупай-ка в печке: нет ли еды какой?

Тимофей полез в печку, вытащил оттуда всяких кушаньев, поставил на стол, начали они оба уписывать, с голоду всё начисто приели. После того стал Никита избушку оглядывать: увидал на окошке небольшой свисток, взял его, приложил к губам и давай насвистывать. Смотрит: что за диво? Слепой брат пляшет, изба пляшет, и стол, и лавки, и посуда — всё пляшет! Горшки вдребезги поразбились!

— Полно, Никита! Перестань играть, — просит слепой, — сил моих не хватает больше!

Никита перестал насвистывать и в ту ж минуту всё приутихло.

Вдруг отворяется дверь, входит баба-яга и кричит громким голосом:

— Ах вы, бродяги бездомные! Доселева тут птица не пролётывала, зверь не прорыскивал, а вы забрались, все кушанья приели, все горшки перебили. Хорошо же, вот я с вами разделаюсь!

Отвечает Никита:

— Молчи, старая! Мы и сами сумеем разделаться. Эй, брат Тимоха, подержи её, ведьму, да покрепче!

Тимофей схватил бабу-ягу в охапку, стиснул крепко-накрепко, а Никита сейчас её за косы и давай по избе водить.

— Батюшки! Не бейте, — просит баба-яга, — я вам сама в пригоде буду: что хотите, всё вам достану.

— А ну, старая, говори: можешь ли достать нам целящей и живящей воды? Коли достанешь, пущу живую на белый свет; а нет, так лютой смерти предам.

Баба-яга согласилась и привела их к двум родникам:

— Вот вам целящая, а вот и живящая вода!

Никита Колтома почерпнул целящей воды, облил себя — и выросли у него ноги: ноги совсем здоровые, а не двигаются. Почерпнул он живящей воды, помочил ноги — и стал владеть ими. То же было и с Тимофеем Колтомою: помазал он глазные ямки целящей водой — появились у него очи, совсем-таки невредимые, только

ничего не видят; помазал их живящей водой — и стал видеть лучше прежнего. Поблагодарили братья старуху, отпустили её домой и пошли выручать грозного царя из беды-напасти.

Приходят в столичный город и видят — грозный царь перед самым дворцом свиней пасёт. Никита Колтома заиграл в свисток: и пастух, и свиньи пошли плясать. Елена Прекрасная увидала это из окошечка, осердилась и тотчас приказала принести луки розог и высечь и пастуха, и музыканта.

Прибежала стража, схватила их и привела во дворец угощать розгами. Никита Колтома как пришёл во дворец к Елене Прекрасной, не захотел долго мешкать, схватил её за белые руки и говорит:

— Узнаёшь ли меня, Елена Прекрасная? Ведь я Никита Колтома. Теперь, грозный царь, она в твоей воле — что захочешь, то и сделаешь.

Грозный царь приказал её расстрелять, а Никиту сделал своим первым министром, всегда его почитал и во всём слушался.

ЧЕРНУШКА

Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали её Машею.

Только жена-то померла, а он на другой женился — на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Заставляли они бедную Машу на себя работать, а когда работы не было, приказывали ей сидеть у печки да выгребать золу; оттого была Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они её Чернушкой.

Вот как-то заговорили люди, что их князь жениться хочет, что будет у него большой праздник и что на том празднике выберет он себе невесту.

Так и случилось. Созвал князь всех в гости. Стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хотят брать; сколько та ни просилась — нет да нет!

Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажи — всё вместе перемешано — и приказала до их приезда разобрать всё по зёрнышку, по крупинке.

Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячмень, и муку, и са-

жу, потом сели ей на плечи — и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье.

— Ступай, — говорят голубки́, — на праздник, только не оставайся там долее полуночи.

Только взошла Маша во дворец, так все на неё и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сёстры её совсем не узнали.

Погуляла, повеселилась Маша с другими девушками; видит, что скоро и полночь, вспомнила, что ей голубки́ наказывали, и побежала поскорей домой. Князь — за нею: хотел было допытаться, кто она такова, а её и след простыл!

На другой день опять у князя праздник: мачехины дочери о нарядах хлопочут да на Машу то и дело кричат да ругаются:

— Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!

Маша всё сделала, а вечером опять повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; кинулся князь за нею — нет, не догнал.

На третий день у князя опять пир горою, вечером голубки́ обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время. Вдруг ударила полночь: Маша бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дёгтем. Один башмачок её прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

Весь город обошли — никому башмачок по ноге не приходится; наконец, пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери — нет, не лезет, велика нога!

— Нет, — говорят княжие посланные, — не годится!

Мачеха стала примерять башмачок средней дочери, и с этой то же самое было.

Увидали посланные Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок — и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули!

Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба.

Свадьба была весёлая, и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

ДЕВУШКА В КОЛОДЦЕ

Жили-были мужик да баба. А у бабы была падчерица. Она пряла у колодца да и уронила веретёшко в воду. Домой идёт, плачет. А мачеха и говорит:

— Чего плачешь?

— А я веретёшко в воду уронила!

Ну та её и давай ругать, кричала, кричала и говорит:

— Ступай за веретёшком, назад не возвращайся!

Девушка пошла да и бросилась в колодец. И попала на луг. Идёт, идёт, навстречу ей овцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку с баранчиком.

Она подпахала под ними, убрала, они и говорят:

— Домой пойдёшь — мы тебе отдадим.

Она поклонилась и пошла. Идёт дальше — навстречу коровы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе корову с нетелью.

Она подпахала под ними, подмахала, они и говорят:

— Спасибо, девушка, обратно пойдёшь — долг не забудем.

Идёт она лугом, долгим полем, навстречу ей жеребцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами.

Она и им всё сделала. Они и говорят:

— Назад пойдёшь, мы тебя не обидим!

Пошла она дальше и дошла до избушечки, к старику и старушечке. Тут её веретёшечко. Говорит ей старуха:

— Должна ты, девушка, веретёшечко выкупить, верой-правдой нам год прослужить.

Она и давай служить. И так хорошо работала, что хозяева её полюбили.

Три года она у них жила, на четвёртый соскучилась.

— Отпустите меня, — просит хозяев, — домой к батюшке.

Они её и пустили. Много ей всего надавали, а как стала она через ворота выходить, так её всю золотом обсыпало.

Пошла она домой, навстречу ей пастухи, дали коровку, да овечку, да жеребчика. Пошла она домой с добром и вся как есть золотая. Дошла до ворот, собачка тявкает:

— Наша дочь пришла, тяф, тяф, добра принесла, тяф, тяф!

А бабка кричит:

— Молчи, давно её черти съели!

Тут она и входит, вся в золоте.

Узнал про это народ, и стали её сватать. Она за крестьянина не пошла, за дьячка не пошла, за барина не пошла, за дворянина не пошла, а посватал Иван-царевич, за него пошла.

Ух, бабка зла стала! Послала свою родную дочь в колодец, за веретёнышком. Та прыгнула и упала. Встала и пошла. Идёт, идёт, навстречу овечки:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку!

А она была грубая, злая, и говорит:

— Вот какие! Не за тем я сюда попала, не за навозом пошла — за добром иду!

И идёт. Шла, шла, навстречу коровы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе нетелку.

— Не за тем пошла — за добром пошла.

И идёт. Шла, шла, навстречу жеребцы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами!

— Не для того иду — за золотом иду!

Пришла она к избушечке — к старику и старушечке.

— Отдайте, — говорит, — моё золотое веретёнце! (А какое оно золотое! Просто деревянное.)

А старушка ей и говорит:

— Ты за веретёнце выслужи!

Ну, стала она служить, и всё не ладно, всё спортит, лепится да неряшится. Три дня прослужила, на четвёртый домой просится. Они её отпустили, дали ей корзину с добром, она и пошла. Дошла до ворот.

«Дай, — думает, — в корзину посмотрю!»

А из корзины жабы, да гады, да гнус полез, всю её облепили, а с ворот смола полилась, всю залила. Побежала она домой, прибежала до ворот, а собачка:

— Тяф, тяф, наша дочь во смоле пришла!

А бабка ей:

— Цыц, наша дочь в золоте придёт!

Та вошла, вся в смоле. Мать к ней бросилась, прильнула к ней, так и пропали вместе.

КОЗЁЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец, и было у него три дочери. Построил он себе новый дом и посылает на новоселье ночевать старшую дочь, чтоб после рассказала ему, что и как ей во сне привидится.

И привиделось ей во сне, что она выйдет замуж за купеческого сына.

На другую ночь посылает купец на новоселье среднюю дочь; что ей привидится?

И приснилось ей, что она выйдет замуж за дворянина.

На третью ночь дошла очередь до меньшой дочери, послал и ту: и приснилось ей, бедняжке, что выйдет она замуж за козла.

Перепугался отец, не велел своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Так нет вот, не послушалась, вышла! А козёл в это время подхватил её на высокие рога и унёс за крутые берега.

Принёс к себе и уложил на полати спать. Поутру проснулась наша красавица, глядь — ан двор огорожен частоколом, и на каждой тычинке по девичьей головке; только одна тычинка простая стоит. Обрадовалась бедняжка, что смерти избежала.

А слуги давно её будят:

— Не пора, сударыня, спать, пора вставать, в горницах мести, сор на улицу нести!

Выходит она на крылечко: летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несёте мне весточку?

А гуси ей в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, старшую сестрицу твою замуж выдают за купеческого сына.

Козёл с полатей всё слышит и говорит слугам:

— Эй вы, слуги мои верные! Несите платья самоцветные, закладывайте вороных коней, чтоб три раза скакнули и были на месте.

Принарядилась бедняжка и поехала, кони мигом привезли её к отцу. На крыльце встречают гости, в доме пир горой!

А козёл в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гуслями. Ну, как на пир гусляра не зазвать? Он пришёл в хоромы и начал выигрывать:

— Козлова жена! Козлова жена!

А бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!

Приехала домой, а козёл уж на полатях лежит.

Поутру будят её слуги:

— Не пора, сударыня, спать, пора вставать, в горницах мести, сор на улицу пести!

Встала она, прибрала всё в горницах и вышла на крылечко: летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несёте мне весточку?

А гуси в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, среднюю сестрицу твою замуж выдают за дворянина богатого.

Опять поехала бедняжка к отцу, на крыльце её гости встречают, в доме пир горой!

А козёл обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гуслями; зазвали его, он и стал выигрывать:

— Козлова жена! Козлова жена!

Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!

Воротилась домой, козёл лежит на полатях.

Прошла ещё ночь; поутру встала бедняжка, вышла на крылечко — опять летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несёте мне весточку?

А гуси в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли тебе весточку: у отца твоего большой стол.

Поехала она к отцу: гости на крыльце встречают, в доме пир горой! На дворе гусляр похаживает, на гуслях выигрывает. Позвали его в хоромы, гусляр опять по-старому:

— Козлова жена! Козлова жена!

Бедняжка в одну щёку его хлоп, в другую хлоп, а сама мигом домой. Смотрит на полати, а там одна козлиная шкурка лежит: гусляр не успел ещё оборотиться в козла.

Полетела шкурка в печь, очутилась меньшая купеческая дочь замужем не за козлом, а за добрым молодцем; стали они себе жить да поживать, да добра наживать.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный, росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечеру, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюёт золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну, что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Припустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошёл пеший.

Шёл, шёл, устал до смерточки.

Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк.

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять?» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошёл воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пущу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана: в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич!

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, прости же меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, пянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как

расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чём задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пешим в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился паутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты ещё пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краёв, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили её:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с воронёнком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, припёс он живой и мёртвой воды. Серый волк спрыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал, — говорит серый волк. — Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

ФИНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Всё-то она умеет, всё-то у неё ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работящая дочка растёт. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сёстры её завидущие да жаднющие; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

— Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает её отец:

— А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста — ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а пёрышка не нашёл.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну, — говорит, — дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочки:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а пёрышка не нашёл. Приехал без пёрышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочки говорят:

— Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи пёрышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, а пёрышка не нашёл. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь!

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить пёрышко Финиста — ясна сокола, а я не нашёл.

— Есть у меня такое пёрышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка пёрышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нём Марьюшка нашла хорошего!»

Привёз старик подарки дочкам, старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи своё пёрышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать полегли, бросила Марьюшка пёрышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист — ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвёртый день сёстры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

— Милые дочки, — говорит отец, — смотрите лучше за собой.

«Ладно, — думают сёстры, — посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может

попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдёт. Но это будет нелегко. Тогда меня найдёшь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвёшь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слёзками кровавый след и стала ещё краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста — ясна сокола. Шла она чистым полем, шла тёмным лесом, высокими горами. Птички весёлыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса тёмные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь, аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— О, красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и зо-

лотое яичко. Когда придёшь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперёд. Будет ещё страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потёрся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал ещё темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пяльцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

— Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет ещё страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал ещё темнее. За ноги её цепляет, за рукава хватает... Идёт Марьюшка, идёт и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный

порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках; вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа, каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама чёрная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретёнце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретёнце покупать — не продавай, а проспись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел: поднялся свист, совы закружились, мыши из пор повылезли — да все на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй, — говорит он, — а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только её и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну, — говорит волк, — слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

— Всё это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмёт Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается.

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица её слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет, — говорит Марьюшка, — они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста — ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть. Ночью, как он уснёт, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идёт Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит она — спит её сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, — спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пяльцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста — ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пяльцы, золотую иголочку.

— Я не продам, — говорит Марьюшка, — а так отдам, разреши только с Финистом — ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спаленку

к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист — ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берёт в руки серебряное донце, золотое веретёнце. А царица увидала: продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть.

— Ладно, — говорит та.

А сама думает: «Всё равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой Финист — ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему её прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста — ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист — ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял её, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста — ясна сокола наказать.

Тогда Финист — ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста — ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в своё государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки заналили, и был пир такой, что и теперь помнят.

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её наслушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить.

Князь уехал, она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине.

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего — заморышка; и деточки её вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, — заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати: огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь.

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати: огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это всё один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовёт деток: детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завонила:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Тёмну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь, небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца ро́дного,
Отца ро́дного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живёт — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он её за крылышко и говорит:

— Стань белая берёза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга; где рука — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялися ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошёл раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идёт он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил её — свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял её Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдёт на меня дремота — в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принёс он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил её правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да весёлой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живёт с молодой женой, потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идёт в лес, пастреляет дичи и несёт на царскую кухню.

Пожили они так недолго. Марья-царевна говорит:

— Бедно живёшь ты, Андрей!

— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шёлку я всё дело поправлю.

Послушался Андрей, пошёл к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шёлку и принёс жене. Марья-царевна взяла шёлк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковёр, какого в целом свете не видывали: на нём всё царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами; и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдаёт ковёр мужу:

— Поезди на гостиный двор, продай купцам, да

смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковёр, повесил на руку и пошёл по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — ещё. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковёр, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу пробился через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чём речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковёр и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковёр?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковёр и пошёл домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковёр.

Царь взглянул — на ковре всё его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдаёт советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, ещё лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занёс, а другую не переносит, замолчал и про своё дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от неё не отвёл, всё бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу

он опомнился, нехотя поплёлся домой. И с той поры и есть — не пасст, и пьёт — не запьёт: всё ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выспрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, всё о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заворожить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашёл избёнку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занёс, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, — думает, — хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошёл и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень в рваном кафтанишке.

— О чём, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднёс ему царский советник стаканчик винца и рассказал про своё горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое — сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись

к царю и скажи: пускай он пошлёт Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдёт и назад не вернётся.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень — и бегом к царю:

— Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и зачем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи ещё службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что невесел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

Марья-царевна говорит:

— Есть о чём горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна даёт ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведёт.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошёл к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоём и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится, Андрей идёт за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озёрами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо их на старом-престаром царе два чёрта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везёт.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чём его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезём?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками — тот гнётся, а везёт.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житьё-бытьё.

— Ах, Андрей-стрелок, — отвечает царь, — плохое моё житьё на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царём, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в своё царство, являются во дворец.

Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живёт он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь ещё знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошёл царский советник, ещё ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднёс ему стаканчик вина и рассказал про своё горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — её не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем:

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошёл Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чём кручиниться! — Марья-царевна говорит. — Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трёх вёрст не дойдёшь, станет одолевать тебя сильный сон — кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснёшь, кот Баюн убьёт тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — пришёл Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идёт, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сёк железным прутом; изломал железный, принялся угощать медным — и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнётся, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьёт, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, всё тебе сделаю.

— А пойдёшь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошёл в обратный путь и кота за собой повёл. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот Баюн, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошёл домой, к Марье-царевне. Живёт-поживает, тешится с молодой женой. А царя ещё пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не той мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идёт прямо в кабак, нашёл там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай, — говорит, — к царю и скажи: пусть пошлёт Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернётся.

Советник побежал к царю и всё ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришёл Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, невесел? Или ещё невзгода какая?

— Эх, — говорит, — через твою красу все напасти несу! Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба так служба! Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про царёву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, — вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете, — не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине, — сами стоят, как столбы, а её на руках держат. Марья-царевна махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете, не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили её, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку.

— Брось клубок перед собой, — куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришёл, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошёл за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится, Андрей идёт за ним следом.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много царств и земель прошёл Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется. Стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге. Дошёл Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась. Андрей вошёл и видит — на лавке сидит седая старуха, прядёт кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл! Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и чёрен, ты наперёд баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка. Её моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и мёдов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом. Он ест, она выспрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей всё рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живёт она в болоте триста лет... Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а баба-яга взяла два голика, полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга её спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: нойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесёт твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея.

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезёт до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через неё ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай, я тебя задавлю.

— Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась — сделалась ещё больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Онять она дулась, дулась — стала выше тёмного леса, да как скакнёт — и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась онять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдёшь то — не знаю что.

Андрей пошёл по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошёл и спрятался за печью.

Вот немного погодя застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нём бочонок пива да бык печёный, в боку нож точёный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точёный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало, — ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдёт мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись, появился стол, на нём разные кушанья, закуски и заедки, вина и мёды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метёлкой сметает, вина и мёды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне!

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай всё да пойдём со мной.

Пошёл Андрей из избёнки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошёл Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

— Добрый молодец, нашёл то — не знаю что?

— Нашёл, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на неё, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошёл путём-дорогой в своё царство. Идёт, идёт, обернётся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шёл, шёл Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх, — говорит, — до чего же я уморился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понёс — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный. Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки; не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидали остров, на нём дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика

сели на лёгкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревах птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повёл гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нём — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» — дубинка сама начнёт колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тяпать: тяп да ляп — вышел корабль; тяп да ляп — ещё корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамёна развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — нет ничего, всё пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор

да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берём с собой! Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне всё равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай покрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился.

«Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понёс в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, всё нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошёл из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушёл, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом зелёный сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марье-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любуются. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, всё разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живёт он в нём с молодой женой, Марьей-царевной.

Ещё пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принёс ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идёт на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тяп да ляп — стоит на море корабль, опять тяп да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тяпнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знамёнами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю: нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришёл. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки всё государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слыхал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребятушки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут бóльший стал хорониться за середнего, а середний за меньшóго, а от меньшóго ответу нет.

Выходит царевич Фёдор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошёл Фёдор-царевич на конюшний двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату. И доезжает до росстаней, до трёх дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

— Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть.

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а спом мне дороги не скоротать. Мне надо вперёд двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли — царь опять собирает пир, зовёт князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бóльший хоронится за середнего, а середний за меньшóго, а от меньшóго ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает копя неезженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откушать хлеба-соли и лечь почивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

— А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Фёдор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли — в третий раз царь собирает пир, зовёт князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бóльший хоронится за середнего, середний за меньшóго, а от меньшóго ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать ещё моих братьецев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюшнй двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идёт, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка:

— Здравствуй, дитятко Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнётся. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неузданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать

подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до роестаней и поразмыслил: «Направо ехать — копя потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти. Эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашёл он в неё, а там сидит баба-яга, старых лет, шёлковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу, — говорит, — русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга — костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот баба-яга это дело всё справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила, села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озёр, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей середней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далёко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это баба-яга — ещё старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга — костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело всё справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на её коне. А этот конь ещё бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста вёрст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до закату. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет, ещё старее той. Поглядела — конь её сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга всё дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к середней, а середняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моём добром коне. Доедешь

до стены — и бей коня по бокам плетью нехлёстанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал почевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озёра хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлёстанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самою увидать: сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят: по одну сторону шесть полениц — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посредине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал её и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить! Иван-царевич бьёт коня плетью нехлёстанной.

— Ах ты конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об неё одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала покражу:

— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у неё уже конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперёд погнал... Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до середней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девица Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков — печёт, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего копя богатырского и опять погнал. Он — за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, всё изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что же, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копья долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копья-сабли исщербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до закату. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь.

Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелёных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своём царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, — доезжает Иван-царевич до росстаней, до трёх дорог, где плита-камень, и думает: «Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Копи-то были одностадные...

Иван-царевич взошёл на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица.

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-ночивать.

А Иван-царевич столкнул её на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землёй уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покараульте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг он на шёлковую траву и богатырским сном заснул. А Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит — только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьёт их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай.

Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-непастье?

— Не кричи, мать, нас сберёг русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклал, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, по слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куска вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Подпялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошёл Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила суконами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — всё царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Фёдора-царевича. Идёт Фёдор-царевич по цветным суконам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое ребеньков взяли трости и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс.

А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает середнего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое ребеньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унёс. Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдёте — всё царство потопчу, пожгу.

Царь ещё пуще испугался, посылает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всём повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке, и с ним идёт голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в сторону мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идёт с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатёр. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нём сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да и за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — почевать где ночь, где две, а третью и почевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у царя было три сына.

Вот дети и говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь: лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез со своего доброго коня и разделил

падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьём всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридесятое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу.

— Не возьмёт ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живёт у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых копей и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнал за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя, пришёл во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трёх головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трёх головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасёт! Ну-ка, — говорит, — отгони мне трёх коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты трёх коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трёх захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, спял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трёхглавый змей, дал ли ему трёх коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо, царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли моё стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору, смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй, — говорит Иван-царевич, — как ты сюда попала?

— Меня унёс змей о двенадцати головах, живёт он на батюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьёшь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за своё ты дело взялся: чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасёшь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашёл сундук: в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажёг и поднёс к хрустальной горе — гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привёз её к отцу, отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мёд-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

В некотором царстве жил богатый купец. Помер купец и оставил трёх сыновей на возрасте. Два старших каждый день ходили на охоту.

В одно время взяли они с собой и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем, чтобы всё отцовское имение разделить меж собой, а его лишить наследства.

Иван — купеческий сын долгое время бродил по лесу, ел ягоды да коренья, наконец выбрался на равнину и на той равнине увидал дом.

Вошёл в комнаты, ходил, ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба, перед каждым прибором по бутылке с вином поставлено. Иван — купеческий сын откусил от каждого хлеба по малому кусочку, съел и потом из всех трёх бутылок отпил понемножку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетает орёл, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей — ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

— А ведь хлеб да вино у нас початы! — говорит орёл.

— И то правда, — отвечает сокол, — видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать.

Говорит орёл:

— Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовём тебя родной сестрицею.

Иван — купеческий сын вышел из-за двери, они его ласково приняли и назвали своим братцем.

На другой день стал орёл просить Ивана — купеческого сына:

— Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

— Хорошо, — отвечает купеческий сын, — будет исполнено.

Отдал ему орёл ключи, позволил везде ходить, на всё смотреть, только одного ключа, что на степе висел, брать не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами — орлом, соколом и воробьём — и улетели.

Иван — купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит — во всём убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить: богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названые братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орёл, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана — купеческого сына сокол: сослужи-де службу ещё один год! Иван — купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошёл по двору, увидал в земле другую дверь, отпер её тем же ключом.

В подземелье богатырский конь стоит — во всём убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить: богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орёл, сокол и воробей: ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить Ива-

на — купеческого сына: послужи-ка службу ещё один год. Он согласился.

Братья обратились птицами и улетели. Иван — купеческий сын прожил целый год один-одинёхонек и, когда наступил урочный день, накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами: вошли, поздоровались и пообедали.

После обеда говорит старший брат, орёл:

— Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Середний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, — рубашку.

— Возьми, — говорит, — эту рубашку пуля не берёт; коли наденешь её, никто тебя не осилит!

Иван — купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти.

Иван — купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слёзно молить-просить:

— Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение: буду тебе верный слуга!

Иван — купеческий сын сжалился, взял его с собою, привёз к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван — купеческий сын так мудр и силён?

Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выспрашивать:

— Скажи, Иван — купеческий сын, где твоя мудрость?

— На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал веник и спрашивает:

— Зачем это веник изукрасила?

— А затем, — говорит Елена Прекрасная, — что в нём твоя мудрость и сила скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

— Скажи, милый, где твоя мудрость?

— У быка в рогах.

Она приказала вызолотить быку рога.

На другой день Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал быка и спрашивает:

— Что это значит? Зачем рога вызолочены?

— А затем, — отвечает Елена Прекрасная, — что тут твоя сила и мудрость скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и снова стала его выспрашивать:

— Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

Иван — купеческий сын и выдал ей тайну:

— Моя сила и мудрость вот в этой рубашке.

После того уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубила в мелкие куски и приказала выбросить в чистом поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана — купеческого сына по чисту полю разбросано, уж вороны слетелись клевать его.

На ту пору пролетали мимо орёл, сокол и воробей, увидали мёртвого брата.

Бросился сокол вниз, убил с налету воронёнка и сказал старому ворону:

— Принеси скорее мёртвой и живой воды!

Ворон полетел и принёс мёртвой и живой воды.

Орёл, сокол и воробей сложили тело Ивана — купеческого сына, спрыснули сперва мёртвою водою, а потом живою.

Иван — купеческий сын встал, поблагодарил их: они дали ему золотой перстень.

Только Иван — купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конём и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого

коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

— Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут!

Провещал ей конь человеческим голосом:

— Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызнет кровь моя наземь, заступи её своей ножкою, после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить, отрубили ему голову, кровь брызнула — красная девица заступила её своей ножкою, а после собрала вместе с землёю и разбросала кругом дворца: в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья.

Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого.

Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

— Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришёл на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотиться, — увидал золотого селезня. «Дай, — думает,— живьём поймаю!»

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану — купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень всё дальше, дальше, завёл Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея.

После того пришёл Иван — купеческий сын во дворец. Елену Прекрасную прогнал, а на её служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел её, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка.

Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлёт её домой. Собачонка записочку отнесёт и ответ принесёт.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильней. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильней.

Как ушёл змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошёл его просить выручить их дочку из тяжёлой неволи. В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошёл.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слёзы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил её смолою, весь пенькою обмотался и пошёл.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей запёрся, брёвнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже брёвна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминучую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в неё змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать: глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провёл Никита борозду от Киева до самого Чёрного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Чёрное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна: стоит она валом сажени на две высотою. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют её на память о Никите Кожемяке.

ИВАН — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЧУДО-ЮДО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они — не ленились, с утра до ночи трудились: пашню пахали да хлеб засевали.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве дурная весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить, все города-сёла огнём спалить. Затужили старик со старухой, загоревали. А старшие сыновья утешают их:

— Не горюйте, батюшка и матушка! Пойдём мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть! А чтобы вам одним не тосковать, пусть с вами Иванушка останется: он ещё очень молод, чтоб на бой идти.

— Нет, — говорит Иванушка, — не хочу я дома оставаться да вас дожидаться, пойду и я с чудом-юдом биться!

Не стали старик со старухой его удерживать да отговаривать. Снарядили они всех троих сыновей в путь-дорогу. Взяли братья дубины тяжёлые, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали.

Долго ли, коротко ли ехали — встречается им старый человек.

— Здорово, добрые молодцы!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда это вы путь держите?

— Едем мы с поганым чудом-юдом биться, сражаться, родную землю защищать!

— Доброе это дело! Только для битвы вам нужны не дубинки, а мечи булатные.

— А где же их достать, дедушка?

— А я вас научу. Поезжайте-ка вы, добрые молодцы, всё прямо. Доедете вы до высокой горы. А в той горе — пещера глубокая. Вход в неё большим камнем завален. Отвалите камень, войдите в пещеру и найдёте там мечи булатные.

Поблагодарили братья прохожего и поехали прямо, как он учил. Видят — стоит гора высокая, с одной стороны большой серый камень привален. Отвалили братья тот камень и вошли в пещеру. А там оружия всякого — и не сочтёшь! Выбрали они себе по мечу и поехали дальше.

— Спасибо,— говорят,— прохожему человеку. С мечами-то нам куда сподручнее биться будет!

Ехали они, ехали и приехали в какую-то деревню. Смотрят — кругом ни одной живой души нет. Всё иовыжжено, поломано. Стоит одна маленькая избушка. Вошли братья в избушку. Лежит на печке старуха да охает.

— Здравствуй, бабушка! — говорят братья.

— Здравствуйте, молодцы! Куда путь держите?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост. Хотим с чудом-юдом сразиться, на свою землю не допустить.

— Ох, молодцы, за доброе дело взялись! Ведь он, злодей, всех разорил, разграбил! И до нас добрался. Только я одна здесь уцелела...

Переночевали братья у старухи, поутру рано встали и отправились снова в путь-дорогу.

Подъезжают к самой реке Смородине, к калиновому мосту. По всему берегу лежат мечи да луки поломанные, лежат кости человеческие.

Нашли братья пустую избушку и решили остановиться в ней.

— Ну, братцы, — говорит Иван, — заехали мы в чужедальнюю сторону, надо нам ко всему прислушиваться да приглядываться. Давайте по очереди в дозор ходить, чтоб чудо-юдо через калиновый мост не проиустить.

В первую ночь отправился в дозор старший брат. Прошёл он по берегу, посмотрел за реку Смородину — всё тихо, никого не видать, ничего не слыхать. Лёг старший брат под ракитов куст и заснул крепко, захрапел громко.

А Иван лежит в избушке — не спится ему, не дремлется. Как пошло время за полночь, взял он свой меч булатный и отправился к реке Смородине.

Смотрит — под кустом старший брат спит, во всю мочь храпит. Не стал Иван его будить. Спрятался под калиновый мост, стоит, переезд сторожит.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — подъезжает чудо-юдо о шести головах. Выехал он на середину калинового моста — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пёс ощетинился.

Говорит чудо-юдо шестиголовое:

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, чёрный ворон, встрепенулся? Почему ты, чёрный пёс, ощетинился? Или вы чуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился, так на бой не сгодился! Я его на одну руку посажу, другой прихлопну!

Вышел тут Иван — крестьянский сын из-под моста и говорит:

— Не хвались, чудо-юдо поганое! Не подстрелил ясного сокола — рано перья щипать! Не узнал доброго молодца — нечего срамить его! Давай-ка лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они, поравнялись, да так ударились, что кругом земля загудела.

Чуду-юду не посчастливилось: Иван — крестьянский сын с одного взмаха снёс ему три головы.

— Стой, Иван — крестьянский сын! — кричит чудо-юдо. — Дай мне передохнуть!

— Что за отдых! У тебя, чудо-юдо, три головы, а у меня одна. Вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились.

Иван — крестьянский сын отрубил чуду-юду и последние три головы. После того рассёк туловище на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся и спать улёгся.

Поутру приходит старший брат. Спрашивает его Иван:

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала!

Иван ему ни словечка на это не сказал.

На другую ночь отправился в дозор средний брат. Походил он, походил, посмотрел по сторонам и успокоился. Забрался в кусты и заснул.

Иван и на него не понадеялся. Как пошло время за полночь, он тотчас снарядился, взял свой острый меч и пошёл к реке Смородине. Спрятался под калиновый мост и стал караулить.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — подъезжает чудо-юдо девятиголовое. Только на калиновый мост въехал — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пёс ощетинился... Чудо-юдо коня плёткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам!

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, чёрный ворон, встрепенулся? Почему ты, чёрный пёс, ощетинился? Или чуете вы, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван — крестьянский сын из-под калинового моста:

— Погоди, чудо-юдо, не хвались, прежде за дело примись! Ещё посмотрим, чья возьмёт!

Как взмахнул Иван своим булатным мечом раз-другой, так и снёс у чуда-юда шесть голов. А чудо-юдо ударил — по колени Ивана в сырую землю вогнал. Иван — крестьянский сын захватил горсть песку и бросил своему врагу прямо в глазищи. Пока чудо-юдо глазищи протирал да прочищал, Иван срубил ему и остальные головы. Потом рассёк туловище на мелкие части, побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Лёг и заснул, будто ничего не случилось.

Утром приходит средний брат.

— Ну что, — спрашивает Иван, — не видал ли ты за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал.

— Ну, коли так, пойдёмте со мной, братцы дорогие, я вам и комара и муху покажу.

Привёл Иван братьев под калиновый мост, показал им чудо-юдовы головы.

— Вот, — говорит, — какие здесь по ночам мухи да комары летают. А вам, братцы, не воевать, а дома на печке лежать!

Застыдились братья.

— Сон, — говорят, — повалил...

На третью ночь собрался идти в дозор сам Иван.

— Я, — говорит, — на страшный бой пду! А вы, братцы, всю ночь не спите, прислушивайтесь: как услышите мой посвист — выпустите моего коня и сами ко мне на помощь спешите.

Пришёл Иван — крестьянский сын к реке Смородине, стоит под калиновым мостом, дожидается.

Только пошло время за полночь, сырая земля заколебалась, воды в реке взволновались, буйные ветры завыли, на дубах орлы закричали. Выезжает чудо-юдо двенадцатиголовое. Все двенадцать голов свистят, все двенадцать огнём-пламенем пышут. Конь у чуда-юда о двенадцати крылах, шерсть у коня медиая, хвост и грива железные. Только въехал чудо-юдо на калиновый мост — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, чёрный пёс позади ощетинился. Чудо-юдо коня плёткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам!

— Что ты, конь мой, споткнулся? Отчего, чёрный ворон, встрепенулся? Почему, чёрный пёс, ощетинился? Или чуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: только дупу — и праху его не останется!

Вышел тут из-под калинового моста Иван — крестьянский сын:

— Погоди, чудо-юдо, хвалиться: как бы тебе не осрамиться!

— А, так это ты, Иван — крестьянский сын? Зачем пришёл сюда?

— На тебя, вражья сила, посмотреть, твоей храбрости испробовать!

— Куда тебе мою храбрость пробовать! Ты муха передо мной!

Отвечает Иван — крестьянский сын чудо-юду:

— Пришёл я не сказки тебе рассказывать и не твои слушать. Пришёл я насмерть биться, от тебя, проклятого, добрых людей избавить!

Размахнулся тут Иван своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем, к шеям приложил, и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали.

Плохо пришлось Ивану: чудо-юдо свистом его оглушает, огнём его жжёт-палит, искрами его осыпает, но колени в сырую землю его вгоняет... А сам посмеивается:

— Не хочешь ли ты отдохнуть, Иван — крестьянский сын?

— Что за отдых? По-нашему — бей, рубн, себя не береги! — говорит Иван.

Свистнул он, бросил свою правую рукавицу в избушку, где братья его дожидались. Рукавица все стёкла в окнах новыбила, а братья спят, ничего не слышат.

Собрался Иван с силами, размахнулся ещё раз, сильнее прежнего, и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил свои головы, чиркнул огненным пальцем, к шеям приложил — и опять все головы на местах. Кинулся он тут на Ивана, забил его по пояс в сырую землю.

Видит Иван — дело плохо. Снял левую рукавицу, запустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся Иван — крестьянский сын, срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем, к шеям приложил — головы опять приросли. Бросился он тут на Ивана и вогнал его в сырую землю по самые плечи...

Снял Иван свою шапку и бросил в избушку. От того удара избушка зашаталась, чуть по брёвнам не раскатилась. Тут только братья проснулись, слышат — Иванов конь громко ржёт да с цепей рвётся.

Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами побежали.

Иванов конь прискакал, стал бить чудо-юдо копытами. Засвистел чудо-юдо, зашипел, начал коня искрами осыпать.

А Иван — крестьянский сын тем временем вылез из земли, изловчился и отсёк чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы. Сшиб все до единой! Туловище на мелкие части рассёк и побросал в реку Смородину.

Прибегают тут братья.

— Эх, вы! — говорит Иван. — Из-за сонливости вашей я чуть головой не поплатился!

Привели его братья к избушке, умыли, накормили, напоили и спать уложили.

Поутру рано Иван встал, начал одеваться-обуваться.

— Куда это ты в такую рань поднялся? — говорят братья. — Отдохнул бы после такого побоища!

— Нет, — отвечает Иван, — не до отдыха мне: пойду к реке Смородине свой кушак искать — обронил там.

— Охота тебе! — говорят братья. — Заедем в город — новый купишь.

— Нет, мне мой нужен!

Отправился Иван к реке Смородине, да не кушак стал искать, а перешёл на тот берег через калиновый мост и прокрался незаметно к чудо-юдовым каменным палатам. Подошёл к открытому окошку и стал слушать — не замышляют ли здесь ещё чего?

Смотрит — сидят в палатах три чудо-юдовы жёны да мать, старая змеиха. Сидят они да сговариваются.

Первая говорит:

— Отомщу я Ивану — крестьянскому сыну за моего мужа! Забегу вперёд, когда он с братьями домой возвращаться будет, напущу жары, а сама обернусь колодцем. Захотят они воды выпить — и с первого же глотка мёртвыми свалятся!

— Это ты хорошо придумала! — говорит старая змеиха.

Вторая говорит:

— А я забегу вперёд и обернусь яблоней. Захотят они по яблочку съесть — тут их и разорвёт на мелкие кусочки!

— И ты хорошо придумала! — говорит старая змеиха.

— А я,— говорит третья,— напущу на них сон да дрёму, а сама забегу вперёд и обернусь мягким ковром с шелко́выми подушками. Захотят братья полежать-отдохнуть — тут-то их и спалит огнём!

— И ты хорошо придумала! — молвила змеиха. — Ну, а если вы их не сгубите, я сама обернусь огромной свиньёй, догоню их и всех троих проглочу!

Подслушал Иван — крестьянский сын эти речи и вернулся к братьям.

— Ну что, нашёл ты свой кушак? — спрашивают братья.

— Нашёл.

— И стоило время на это тратить!

— Стоило, братцы!

После того собрались братья и поехали домой.

Едут они степями, едут лугами. А день такой жаркий, такой знойный. Пить хочется — терпенья нет! Смотрят братья — стоит колодец, в колодце серебряный ковшик плавает. Говорят они Ивану:

— Давай, братец, остановимся, холодной водицы попьём и коней напоим!

— Неизвестно, какая в том колодце вода,— отвечает Иван. — Может, гнилая да грязная.

Соскочил он с коня и принялся мечом сечь да рубить этот колодец. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала — пить не хочется.

— Вот видите, братцы, какая вода в колодце была, — говорит Иван.

Поехали они дальше. Долго ли, коротко ли ехали — увидели яблоньку. Висят на ней яблоки, крупные да румяные.

Соскочили братья с коней, хотели было яблочки рвать. А Иван забежал вперёд и давай яблоню мечом под самый корень рубить. Завыла яблоня, закричала...

— Видите, братцы, какая это яблоня? Невкусные на ней яблочки!

Сели братья на коней и поехали дальше.

Ехали они, ехали и сильно утомились. Смотрят — разостлан на поле ковёр узорчатый, мягкий, а на нём подушки пуховые.

— Полежим на этом ковре, отдохнём, подремлем часок! — говорят братья.

— Нет, братцы, не мягко будет на этом ковре лежать! — отвечает им Иван.

Рассердились на него братья:

— Что ты за указчик нам: того нельзя, другого нельзя!

Иван в ответ ни словечка не сказал. Снял он свой кушак, на ковёр бросил. Вспыхнул кушак пламенем и сгорел.

— Вот с вами то же было бы! — говорит Иван братьям.

Подошёл он к ковру и давай мечом ковёр да подуш-

ки на мелкие лоскутья рубить. Изрубил, разбросал в стороны и говорит:

— Напрасно вы, братцы, ворчали на меня! Ведь и колодец, и яблоня, и ковёр — всё это чудо-юдовы жёны были. Хотели они нас погубить, да не удалось им это: сами все погибли!

Поехали братья дальше.

Много ли, мало ли проехали — вдруг небо потемнело, ветер завыл, земля загудела: бежит за ними большущая свинья. Разинула пасть до ушей — хочет Ивана с братьями проглотить. Тут молодцы, не будь дурны, вытащили из своих котомок дорожных по пуду соли и бросили свинье в пасть.

Обрадовалась свинья — думала, что Ивана — крестьянского сына с братьями схватила. Остановилась и стала жевать соль. А как распробовала — снова помчалась в погоню.

Бежит, щетину подняла, зубищами щёлкает. Вот-вот нагонит...

Тут Иван приказал братьям в разные стороны скакать: один направо поскакал, другой — налево, а сам Иван — вперёд.

Подбежала свинья, остановилась — не знает, кого прежде догонять.

Пока она раздумывала да в разные стороны мордой вертела, Иван подскочил к ней, поднял её да со всего размаха о землю ударил. Рассыпалась свинья прахом, а ветер тот прах во все стороны развеял.

С тех пор все чуда-юда да змеи в том краю повывелись — без страха люди жить стали.

А Иван — крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери. И стали они жить да поживать, поле пахать да пшеницу сеять.

ЗМЕЙ И ЦЫГАН

В старые годы стояла одна деревушка; повадился в ту деревушку змей летать, людей пожирать. Всех поел, остался всего-навсего один мужик. В те поры приходит туда цыган, дело было поздним вечером. Куда ни заглянет — везде пусто! Зашёл, наконец, в последнюю избушку: там сидит да плачет мужик.

— Здравствуй, добрый человек!

— Ты зачем, цыган? Верно, жизнь тебе надоела?

— А что?

— Да ведь сюда повадился змей летать, людей пожирать: всех поел, меня одного до утра оставил, а завтра прилетит — и меня сожрёт, да и тебе несдобровать. Разом двух съест!

— А может, подавится! Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змей к вам летает?

Переночевали. Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба — прилетает змей.

— Ага! — говорит. — Прибыль есть! Оставил одного мужика, а нашёл двух. Будет чем позавтракать!

— Будто и вправду съешь? — спрашивает цыган.

— Да так и съем!

— Брешешь, чёртова образина! Подавишься!

— Что ж, ты разве сильнее меня?

— Ещё бы! Чай, сам знаешь, что у меня сила больше твоей.

— А ну, давай попробуем: кто кого сильнее?

— Давай!

Змей достал из жерновов камень:

— Смотри, цыган! Я этот камень одной рукой раздавлю.

— Ладно, посмотрю!

Змей взял камень в горсть и стиснул так крепко, что он в мелкий песок обратился: искры так и посыпались!

— Экое диво! — говорит цыган. — А ты так сожми камень, чтоб из него вода потекла. Гляди, как я сожму!

А на столе лежал узелок творогу, цыган схватил его и ну давить — сыворотка и потекла наземь.

— Что, видел? У кого силы больше?

— Правда, рука у тебя сильнее моей, а вот попробуем: кто из нас крепче свистнет?

— Ну, свисти!

Змей как свистнул — со всех деревьев лист осыпался.

— Хорошо, брат, свистишь, а всё не лучше моего,— сказал цыган. — Завяжи-ка наперёд свои бельмы, а то как я свистну — они у тебя изо лба повыскочат!

Змей поверил и завязал платком свои глаза:

— А ну, свисти!

Цыган взял дубину да как свистнет змея по башке — тот во всё горло закричал:

— Полно, полно, цыган! Не свисти больше, и с одного разу немного глаза не вылезли.

— Как знаешь, а я, пожалуй, готов и ещё разок-другой свистнуть.

— Нет, не надо, не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старший брат, а я меньшой.

— Пожалуй!

— Ну, брат, — говорит змей, — ступай — там в степи пасётся стадо волов: выбери самого жирного, возьми за хвост и тащи на обед.

Нечего делать, пошёл цыган в степь, видит: пасутся волы, он давай их ловить да друг к дружке за хвосты связывать.

Змей ждал, ждал, не выдержал и побежал сам:

— Что так долго?

— А вот постой: навяжу штук пятьдесят да за один раз и приволоку всех домой, чтоб на целый месяц хватило!

— Экой ты! Нешто нам здесь век вековать! Будет и одного.

Тут змей ухватил самого жирного вола за хвост, сдёрнул с него шкуру, мясо взвалил на плечи и потащил домой.

— Как же, брат, я столько штук навязал — неужели ж так бросить!

— Ну, брось.

Пришли в избу, наклали два котла говядины, а воды нету.

— На́ тебе воловью шкуру, — говорит цыгану змей, — ступай наберн полную воды и неси сюда: станем обед варить.

Цыган взял шкуру, потащил к колодцу — еле-еле порожнюю тащит, не то что с водою. Пришёл и давай оканывать кругом колодец.

Змей опять ждал, ждал, не выдержал и побежал сам.

— Что ты, брат, делаешь?

— Хочу колодец кругом окопать да весь в избу притащить, чтобы не нужно было ходить по воду.

— Экой ты! Много затеваешь! Чтоб окопать, надо много времени.

Опустил змей в колодец шкуру, набрал полную воды, вытащил и понёс домой.

— А ты, брат, — говорит цыгану, — ступай пока

в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу, пора огонь разводить!

Цыган пошёл в лес, начал лыки драть да верёвки вить, свил длинную-длинную верёвку и принялся дубы опутывать. Змей ждал, ждал, не выдержал, побежал сам:

— Что так мешкаешь?

— Да вот хочу за раз дубов двадцать зацепить верёвкою да тащить все с кореньями, чтобы надолго дров хватило!

— Экой ты! Всё по-своему делаешь, — сказал змей, вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

Цыган притворился, что крепко сердит, надул губы и сидит молча. Змей наварил говядины, зовёт его обедать, а он с сердцем отвечает:

— Не хочу!

Вот змей сожрал целого вола, выпил воловью шкуру воды и стал цыгана допрашивать:

— Скажи, брат, за что сердишься?

— А за то, что́ я ни сделаю — всё не так, всё не по-твоему!

— Ну, не сердись, помиримся!

— Коли хочешь со мной помириться, поедем ко мне в гости.

— Изволь, готов, брат!

Тотчас достал змей повозку, запряг тройку что ни есть лучших копей, и поехали вдвоем в цыганский табор. Стали подъезжать, увидали цыганята своего батьку, бегут к нему навстречу голые да во всё горло кричат:

— Батько приехал, змея привёз!

Змей испугался, спрашивает цыгана:

— Кто это?

— А то мои дети! Чай, голодны теперь, смотри, как за тебя примутся!

Змей из повозки да бежать, а цыган продал тройку лошадей вместе с повозкой и зажил себе припеваючи.

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Было три брата. Один безногий удался — наперегон с зайцами гонялся. Второй косолапый — больно прыток удался. А третий одно и знал, что ворон считал.

Вот собрались три брата в лес дрова рубить. Пока безногий за зайцами гонялся, косолапый ноги расправлял, третий всех ворон пересчитал, глядь — и вечер

настал. Надо ужин варить. А огня-то нет! Вот срубили три брата большую сосну. Сложили костёр. Полез смотреть один из братьев, нет ли где огоньку. И увидели вдрямь огонёк. Ну вот и пошёл безногий. Видит: около огонька сидит старичок.

Он и просит:

— Дедушка, дай огоньку!

Тот говорит:

— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь. Хоть песню спой!

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не учился!

— Сказку скажи!

— Тоже не знаю.

— Ну и убирайся с чем пришёл!

Так и второй брат пошёл и тоже ни с чем вернулся.

Тогда пошёл третий.

— Здорово, дед!

— Здорово, свет!

— Дедушка, дай огоньку!

— А ты меня, старика, потешь — песню спой!

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не горазд.

— Ну так скажи сказку!

— Ну, — говорит, — это моё дело. Только уговор: не любо — не слушай, а врать не мешай. А если перебьёшь — сто рублей с тебя.

Старик согласился.

А он начал говорить сказку.

— Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат. Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица, а рогатой скотины — таракан да жужелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот-иноход. Изба была большая: на земле порог и тут же потолок. Хоть сидеть нельзя, да зато посмотреть хорошо. А земли было — и глазом не окинешь! Пол да лавки — сами засевали, а печь да полати — в наймы сдавали. Вот засеяли мы на полу ячмень, а на лавку семян не хватило. Вырос наш ячмень высок да густ. Да завелась в нём крыса. Как пошла наша кош-

ка лыса ловить крысу — и заблудилась. И теперь там бродит. Ну, ячмень мы сжали, а сложить-то и некуда. Я хоть меньшой, да разумом большой. Склал скирд на печно́м столбе. А бабушка моя — куда была рѐзва — на печь три года лезла. Лезла, лезла, скирд наш в лохань уронила, сама надвое переломилась. Дед завыл, я заголосил. Бабушку мы лычком сшили, она ещё десять лет так ходила. Ну, а ячмень мы из лохани вытащили, высушили и обмолотили. Сварили два пива — одно жидкое, другое как вода. Выпьешь любого бурак — ста̀нешь совсем дурак. А как гостю поднесёшь, да за волосы потрясёшь, да сверху поленом оплетёшь — и с ног долой! Да была у нас ещё кобыла сива. Поехал я в лес дрова рубить. Еду трусцой — трюх-трюх, а топор у меня за поясом сзади: тюх-тюх... И отрубил лошади весь зад! Так на передке я три года катался. Вот еду раз лесом, глядь — на опушке задок моей лошади пасётся. Вот я его поймал, обратал, берёзовым прутком и сшил. Ну и стала берёзка вверх расти. Росла, росла и выросла под самые облака. Надумал я по ней влезать. Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего! Надумал я назад спускаться, глядь, а кобылу-то мою дедушка увёл попить. И не по чему спускаться. Стал я на облаках проживать, голодом голодовать. Завелися с той худобы у меня блохи не малые. Стал я блох ловить, да шкуры с них сдирать, да верёвку вить. Свил верёвку длинную! Привязал одним концом к облакам и стал спускаться. На ту беду мне верёвки не хватило. Ну, я сверху отрежу, на низ наставлю. И всё-таки верёвки не хватает! Я сижу — не тужу, по сторонам гляжу. Смотрю — мужик овёс веет, а полова вверх летит. Вот я стал полову ловить да верёвку вить. Вил, вил... и мёртвую крысу завил. А она ни с того, ни с другого ожила, верёвку перегрызла, и полетел я в болото, по самый рот ушёл. Хотел воды напиться — шеи не нагнуть. Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шёл мимо волк, лисенятюк уволок. Да я ему тут за хвост вцепился. Вцепился да и крикнул: «Утю-лю-лю!» Волк меня и вытащил из болота. Вышел я из болота голодный-преголодный. Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят. Хотел руку просунуть — не лезет! Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак не вылезти! Сбегал домой за топором, прорубил дупло пошире — выкарабкался!.. Пошёл за сине море, где скот нипочём. За

муху с мушонком — дают корову с телёнком, за больших оводов — больших быков. Вот я наловил мух да мушат три куля. Наменял быков да коров три табуна. Пригнал к синему морю и давай горевать. Как стадо домой гнать? Вплавь пускать? Половина перетонет. Корабли нанять? Дорого возьмут. Вот я схватил одну корову за хвост да на ту сторону и швырнул: раза два на лету перевернулась! Так на ту сторону носом уткнулась. Так перешвырял я все три табуна. Остался один бык бурый, большущий! Вот окрутил я хвост вокруг руки, собрался с силой, развернулся — да как пустил! На ту сторону вместе с быком перелетел! Ну вот, так ненароком попал я в самую преисподнюю, где черти живут. И три года у них всё навоз возил... И всё на твоём дедушке...

А старик и говорит:

— Не может быть, чтоб на моём дедушке!

— Может не может, а плати сто рублей. Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Получил он сто рублей, получил огонёк. Пришёл к братьям. Сварили они ужин. Спать легли. И теперь ещё спят...

ЧУДО-ЧУДНОЕ, ДИВО-ДИВНОЕ

В некотором царстве, в небывалом государстве както раз снег горел, соломой тушили, много народу покрушили... Это ещё не сказка, а присказка. Сказка будет впереди, когда хлеба поедим, хлеба да пирога, да подержим быка за рога... Без присказки сказка — что блины без подмазки!

А было это давным-давно, когда текли реки молочные, берега были кисельные, в огороде росли репы пареные, а на дворе летали куропатки жареные.

Жила-была бабушка Федосья — седые волосья. И был у неё сынок Мишка — вострый умишко.

Мишка был парень хороший, о матушке заботился, матушку кормил. Каждый день ходил он в лес на охоту: то птичку подстрелит, то зайчика, то тетёрку принесёт. Тем и кормились.

Вот как-то раз пошёл Мишка в лес и добыл Мишка зайца. Такого хорошего, толстого, жирного зайчика. Домой принёс.

Бабушка Федосья — седые волосья зайчика ободрала, шкурку в чулан спрятала, а тушку взяла да пополам

разрезала. Одну половинку положила в котёл к обеду вариться, а другую в корзиночку на завтра под лавку убрала.

Вот сварился зайчик, сели они обедать. Сидят, зайца едят, и вдруг — как грохнет что-то! Оглянулся Мишка — ай, голубчики! Зайцевы-то задние ноги из-под лавки из корзиночки выскочили — да в дверь, и в лес побежали!

Дивится Мишка:

— Гляди-ка, матушка, какое чудо чудное: у нас ползайца по дороге бежит!

А бабушка Федосья отвечает:

— И, дитятко, это ещё не чудо! А вот слыхала я, говорили люди добрые, живёт где-то на свете Чудо-чудное, Диво-дивное... А вот где живёт — не знаю!

Кончили они обедать, Мишка полушубочек натянул, валеночки, рукавички надел, шапочку, да и говорит матушке:

— Прощай, матушка. Я пойду искать по свету, где живёт Чудо-чудное, Диво-дивное!

И пошёл.

Пошёл, милые мои, такой храбрый был парень, ничего не побоялся — пошёл!

Идёт Мишка лесами, идёт Мишка горами, идёт деревнями. И всюду людей спрашивает — не видали ли, не слыхали ли, где живёт Чудо-чудное, Диво-дивное. А народ смеётся:

— Не знаем, не слыхивали!

Вот шёл Мишка, шёл и пришёл в маленькую деревнюшку. Идёт по улице, а навстречу ему дедушка старый. Глаза такие ласковые, борода длинная.

— Здравствуй, дедушка, — Мишка говорит.

Улыбнулся дед.

— Здравствуй, паренёк, здравствуй. Ишь, какой ты вежливый. Видать, не здешний. Откуда ты?

— Да я, дедушка, по свету хожу, Чудо-чудное, Диво-дивное ищу.

И рассказал Мишка дедушке, как было дело. А дедушка смеётся:

— Вот и ладно, Миша, что к нам зашёл. Пойдём, ведь Чудо-чудное, Диво-дивное у меня дома живёт.

— Ой, дедушка, неужто правда? И покажешь?

— Пойдём со мной — покажу!

Привёл он Мишку в маленькую избушку. И говорит:

— А ну-ка, Миша, глянь в окошко.

Глянул Мишка на двор — а там во дворе гусь ходит. Большущий, жирный, толстый.

— Дедушка, да там гусь простой!

— Э, дитятко, гусь-то гусь, да не простой. Ну-ка, гусёк, пойди сюда.

Отворил дедушка окошко, а гусь — фр-р-р-р! — так прямо в избу и влетел. Говорит ему дедушка:

— Ну-ка, гусёк, встань, встряхнись да на сковородку ложись.

Ай, милые мои! Встал гусь посреди избы, этак встряхнулся, пёрышки с себя скинул, а сам на сковородку — да в печку.

Мишка дивится, а дедушка смеётся, говорит:

— Погоди-ка, то ли ещё будет!

Вот сжарился гусь, вынули его из печки, на стол поставили, обедать сели. А старик-то и говорит Мишке:

— Ты, Миша, гуся ешь, а косточки не выбрасывай. Все косточки вместе сложим — пригодятся!

Вот съели они гуся, дедушка взял все косточки, сложил в салфеточку и говорит:

— Ну, гусёк, встань передо мной опять как живой!

Тряхнул он салфеточку — и пошёл опять гусь по избе: живой, здоровый, жирный, какой был, словно и не его съели.

Мишка пуще дивится, а дедушка говорит:

— Ты, Миша, парень хороший, о матушке своей заботишься, матушку кормишь — бери гуся себе в подарок. Пускай у вас будет каждый день жареный гусь к обеду.

Обрадовался Мишка, обнимает дедушку, благодарит. Взял гуся, домой побежал.

Домой прибегает, а бабушка Федосья — седые волосья на крылечке его встречает:

— Ну, как, дитятко, нашёл ли чего искал?

— Нашёл, матушка! Глядь!

— Мишенька! Да ведь это гусь простой?

— Нет, матушка, — гусь, да не простой. Идём в избу.

Вошли они в избу, Мишка и говорит:

— А ну-ка, гусёк, встань, встряхнись, на сковородку ложись.

Гусёк этак встал, встряхнулся, сам на сковородку — да в печку полез. Бабушка Федосья обрадовалась, стала

чуть не каждый день жареного гуся к обеду готовить.

Только как-то раз сидят они с Мишенькой, обедают, а мимо окошка проходит богатый сосед, купец этакий толстопузый. Заглянул он в окошко — удивился:

— Это что?! У бедной старушонки — жареный гусь к обеду?

Входит он на крылечко, с крылечка — в избу.

— Здорово, бабушка Федосья. Это что у вас — жареный гусь на столе? А откуда вы, бедные люди, такую птицу дорогую взяли?

А бабушка Федосья была добрая старуха. Говорит:

— Ты, может, ещё не обедал? Садись с нами поешь, а после всё и узнаешь.

Вот они посадили купца как человека за стол, дали ему гуся большой кусок, с картошкой, с подливкой. Поел купец, а бабушка Федосья все косточки сложила вместе да и говорит:

— Ну-ка, гусёк, встань передо мной опять как живой.

Тряхнула салфеточку — и пошёл по избе гусь — опять живой, здоровый, жирный, как был, словно не его и съели.

Ай, матушки мои! У купца глаза и зубы разгорелись.

— Бабушка! Подари мне гуся!

— Нет, соседушко, не подарю! Нам самим надобен.

— Ну, так продай. Я богатый, я тебе много денег дам.

— Не надо нам и денег твоих. Подарки не продают. Не проси, не дам.

Так и не дала. Нет, милые мои, — не дала!

Пошёл купец домой. Идёт, а сам всё про гуся думает.

Вот ночь подошла, стемнело. Бабушка Федосья спать легла, Мишка — вострый умишко спать лёг, а купец-то взял, голубчики мои, мешок да с мешком-то к бабке во двор. Да к хлеву, где гусь ночевал. Замок сломал, гуся вытащил — да в мешок: украл! И домой скорей!

Утром бабушка Федосья просыпается, Мишка просыпается — а гуся нет. Куда девался? Нигде не видать!

Бабушка Федосья обревелась с горя, Мишка все пятки оттоптал — бегает, ищет. Нет гуся, словно провалился.

А купец-то тем временем созвал в горницу всё семейство. Была у него жена Алёна Ивановна да три дочки — Машенька, Дашенька и Сашенька. Да позвал кухарку Аксинью, да дворника Андрея, да приказчика Тимофея.

— Все сюда идите! Сейчас буду Чудо-чудное, Диво-дивное показывать!

А дочки-то и спрашивают:

— А ты, тятенька, где его взял?

— Где взял? Да конечно, купил — с моими капиталами всё можно!

Взял купец мешок, выпустил гуся и говорит:

— Ну-ка, гусёк, встань, встряхнись, на сковородку ложись!

А гусь-то глядит на купца во все глаза, с места не шевелится, только кричит:

— Га-га-га!

Рассердился купец, ножкой об пол топнул.

— Что за «га-га-га»! Кому говорю: встань, встряхнись да на сковородку ложись!

А гусь-то опять глядит на купца да ещё громче:

— Га-га-га! Га-га-га-га!

И сам — ни с места.

Тут уж купец вовсе рассердился. Схватил он сковородник длинный-предлинный, хочет гуся стукнуть. Только он размахнулся да к гусю прикоснулся — а сковородник-то возьми да и прилипни: одним концом к гусю, а другим — к купцу, к руке его. Испугался купец, бросить сковородник хочет — да не бросишь: прилип, не отлипает!

Закричал купец жене со страху не своим голосом:

— Жена! Алёна Ивановна! Беги скорей сюда, тащи меня от сковородника, сковородник — от гуся!

Подбежала купчиха Алёна Ивановна, мужа-то поперёк живота охватила, тащит его, тащит — а не оттащить! У самой руки к купцу прилипли. Перепугалась купчиха, вопит:

— Дочка, Машенька! Беги скорей сюда, тащи матушку от батюшки, батюшку от сковородника, сковородник от гуся!

Подбежала дочка Машенька, матушку поперёк живота охватила, тащит, тащит — не оттащить! У самой руки к матушке прилипли.

Испугалась Машенька, кричит:

— Сестрица Дашенька, беги скорей сюда, тащи скорей Машеньку от матушки, матушку от батюшки, батюшку от сковородника, сковородник от гуся.

Подбежала сестрица Дашенька, Машеньку поперёк живота охватила, тащит, тащит — а не оттащить. Сама к Машеньке прилипла!

А за Дашенькой — Сашенька, а за Сашенькой — кухарка Аксинья, за Аксиньей — Андрей, за Андреем — Тимофей. Все-то стоят, друг к другу прилипли. А гусь обернулся, поглядел — да кричит:

— Га-га-га!

И со всеми с ними — в двери.

Бежит гусь по улице, а за ним на сковороднике кунец, а за купцом всё семейство. Гусь направо — и они все направо, гусь налево — и они за ним. А народ из окошек глядит, пальцами показывает, смеётся:

— Ай, глядите-ка, ворюга бежит! Ай, как не стыдно! У нашей бедной старушонки последнего гуся украл. Ай, ворюга, ворюга! И не совестно!

А купцу-то совестно, им-то всем — хоть сквозь землю провалиться. А как провалишься? Тащит их гусь по всей деревне из конца в конец, всем показывает.

Прибежал гусь к бабушке Федосье. Бабушка Федосья на крылечко выходит, гуся обнимает, радуется... Ну, коли гусь теперь дома — ладно, отпустил он их всех, отлипли они... Домой бегут. А народ из окошек глядит — смеётся:

— Ай, срамота, срамота! Ай, ворюги бессовестные!

Вот они все домой прибежали да дома и засели. Говорят, целую неделю не выходили — стыдно было людям на глаза показаться. А после, сказывают, и вовсе из той деревни куда-то уехали.

Ну, уехали и уехали, пускай. Никто их догонять-то не стал. А вот только сказка-то про них осталась...

Сказка эта была про гуся.
А теперь — сказка вся.
Сказка кончилася!

САМОЕ ДОРОГОЕ

На ровном месте, как на бороне, от всех дорог в стороне, в глухой деревушке, жили-были старик со старушкой.

Старик ивовые прутья резал, корзинки плёл. Старуха лён пряла да ткала. Тем и кормились.

Вот как-то и говорит старуха старику:

— Дед, трудно нам стало работать: у меня прялка сломалась, а у тебя, гляди-ка, — ручка у ножа треснула, едва держится. Сходи-ка ты в лес, выруби деревцо, сделаем новую прялку да ручку к ножу.

Пошёл старик в лес. Приглядел он хорошее деревцо. Только замахнулся топором — а из чащи Лесной Дед выходит. Был этот Дед в мохнатые ветки одет, в волосах шишки еловые, в бороде шишки сосновые, седые усы до земли висят, глаза огоньками зелёными горят.

— Не трогай, — говорит, — старичок, моих деревьев: ведь они все живые, тоже жить хотят. Лучше попроси у меня, чего тебе надобно, — всё тебе дам.

Удивился старик, обрадовался. Пошёл домой со старухой посоветоваться. Сели они рядком перед избой на лавочку. Старик и спрашивает:

— Ну, старуха, чего же мы у Лесного Деда просить будем? Хочешь — много-много денег выпросим? Он даст!

— А на что нам, старик, много-много денег? Нам их и прятать негде. Да и бояться по ночам будем, что их воры утащат. Нет, старик, не надо нам денег!

— Ну, хочешь — попросим большое-пребольшое стадо коров да овец?

— А на что нам, старик, большое-пребольшое стадо? Нам с ним и не управиться будет. Есть у нас коровушка — молоко даёт, есть шесть овечек — шерсть дают. На что нам больше? Не надо!

— А может быть, хочешь, старуха, мы у Лесного Деда тысячу курочек попросим?

— Да что ты, старик, опомнись, чего выдумал! Чем же мы их кормить станем? Что с ними делать будем? Есть у нас три курочки-хохлатки, есть Петя-петушок, нам и довольно.

Думали, думали старик со старухой — ничего придумать не могут: всё, что нужно, у них есть, а чего

нет — то они своими трудами всегда заработать могут. Встал старик с лавки и говорит:

— Я, старуха, придумал, чего у Лесного Деда просить надо.

Пошёл он в лес. А навстречу ему Лесной Дед, в мохнатые ветки одет, в волосах шишки еловые, в бороде шишки сосновые, седые усы до земли висят, глаза огоньками зелёными горят.

— Ну как, мужичок, надумал, чего тебе надобно?

— Надумал, — старик говорит. — Сделай так, чтобы наши прялка да ножик никогда не ломались да чтобы руки у нас всегда здоровыми были. Тогда мы всё, что нам нужно, сами себе заработаем.

— Будь по-твоему, — Лесной Дед отвечает.

И живут с тех пор старик со старухой. Старик ивовые прутья режет, корзинки плетёт, старуха шерсть прядёт, рукавицы вяжет.

Тем и кормятся.

И хорошо живут, счастливо!

ДУДОЧКА-ЗВОНКОГУДОЧКА

На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печёный, в правом боку нож точёный: приди, ножом режь да говядину ешь... Прискакали Ермаки — золотые колпаки, приехали Ермошки — серебряные ножки, попили, поели, луком закусили, новой сказки запросили. Буду им рассказывать — и ты послушай!

Это в прежнее время было. Когда ещё на земле господа жили, небо коптили. Делать-то им было больше нечего!

Вот у одного такого барина-бездельника многое множество слуг было. И среди них — пастушок Ваня. Добрый паренёк был, и толковый такой: за что ни возьмётся — всё у него ладно выходит. А пуще всего любил Ваня на дудочке играть. Сам её вырезал, сам и песенки складывал. Как, бывало, заиграет — вся деревня вокруг него собирается. То смеются, то плачут — песня-то, ведь она всякого за душу берёт. Хорошие были песни у Ванюши!

А барин-то злющий был, лютый, ровно зверь. Показалось ему как-то раз, что его любимая корова Чернуха захромала. Накинулся он на Ваню, избил его палкой и вон выгнал. А для пущей обиды и дудочку его изломал.

— Пускай, — говорит, — никакой тебе радости на свете не будет!

Вишь, какой вредный был!

Пошёл Ваня с барского двора, сам плачет. Идёт по дороге. А навстречу ему старушка незнакомая. Старенькая-старенькая, а глядит так ласково.

— Чего, — говорит, — паренёк, запечалился?

Рассказал ей Ваня своё горе. А старушка и говорит:

— Знаю я твоего барина-злодея. А ты не горюй. Иди ко мне — моих коров стеречь. Сыт будешь, не обижу. А это тебе для начала мой подарок.

Порылась старушка в своей кошёлке — и подаёт Ване новую дудочку, да такую занятную: вся резьбой изукрашена, узорами расписана. Приложил её Ваня к губам — а дудочка-звонкогудочка сама как заиграет! Да такие чудесные песенки, каких и не слыхивал никто.

Хорошо зажил Ванюша. Сыт у старушки, обут, одет. Каждый день с утра идёт в лес, её стадо пасёт. Сядет в лесу на пенёк, дудочку-звонкогудочку к губам приложит — и поёт дудочка, заливается, да так весело и радостно, что все лесные звери и птицы вокруг Вани собираются. Тут и белки, и зайцы, и ёжики, бывает — и лисицы прибегут. Сидят вокруг Ванюши, друг друга не трогают — чудесную дудочку слушают.

А барин про Ваню и думать забыл. У барина новая выдумка. Позвал как-то к себе своих трёх сыновей и говорит:

— Был я недавно у соседа в гостях. Говорили за столом, что есть на свете заяц небывалый: нос белый, хвост серый, одно ухо вверх торчит, другое вниз висит, а поперёк живота ленточка серебряная с пуговкой. Хочу такого зайца! Кто из вас мне его добудет, того наследником своим сделаю. А остальным один шиш оставлю.

Задумались братья. Каждому отцовских денег хочется, а шиш — невелик барыш! Говорит старший брат:

— Ладно, папенька, пойду я, поищу вам зайца небывалого.

И пошёл. Только на дорогу вышел — навстречу ему старушка незнакомая.

— Куда, молодец, путь держишь?

— Да вот, — барский сын отвечает, — велел отец ему зайца небывалого достать, чтобы нос белый, хвост

серый, одно ухо вверх торчит, другое вниз висит, а поперёк живота ленточка серебряная с пуговкой.

— Иди в лес, — старушка говорит, — прямо по тропинке иди, к старой сосне придёшь. Там и ищи.

Сказала — и ровно сквозь землю провалилась. А баринов сын по тропинке пошёл — и впрямь к старой сосне вышел. Глядит — сидит на пеньке паренёк-пастушок, в дудочку играет. А вокруг него всякие звери собрались. Ахнул баринов сын: возле самого пня небывалый заяц пляшет — нос белый, хвост серый, одно ухо вверх торчит, другое вниз висит, а поперёк живота ленточка серебряная с пуговкой. Вот счастье-то!

Говорит баринов сын:

— Здорово, паренёк. Помоги мне этого зайца поймать.

Усмехнулся Иван.

— Ладно, только моя помощь дорого стоит: дашь мне за зайца сто рублей?

Жалко стало барскому сыну денег, да вспомнил, что отцовское наследство дороже стоит. Вынул из-за пазухи деньги, подал Ване. А Ваня нагнулся, мигом — цап зайца за уши! — тот и хвостиком махнуть не успел.

— Бери, барчук, — Ваня говорит, — да держи крепче. Упустишь — во второй раз не поймаешь.

Взял баринов сын зайца. Доволен! За пазуху сунул, домой спешит. Отошёл он с полдороги. А Ваня дудочку взял, к губам приложил, заиграл...

Услыхал небывалый заяц Ванину песенку, как выскочит из-за пазухи у баринова сына да как бросится в лес! Заметался баринов сын, туда, сюда — а зайца и след простыл. Кинулся барчук в лес обратно — а ветки заплетаются, не пускают его, кусты дорогу загораживают, никак к старой сосне тропинки не найти. Долго блуждал баринов сын по чаще, чуть совсем не заблудился. Да к ночи выбрался на дорогу, с пустыми руками домой пришёл.

Плюнул барин.

— Вот, — говорит, — не знал, что у меня старший сын такой неудалый. Завтра второго пошлю.

И верно — послал. Вышел второй сын на дорогу — и тоже старушку встретил, и его она тоже к старой сосне послала. И всё с ним, как со старшим братом, было. Тоже домой ни с чем вернулся. Только с него Ваня уж не сто, а двести рублей взял.

Совсем барин расстроился:

— Неужто у меня из троих сыновей ни одного толкового нету? Теперь пусть последний идёт!

Пошёл наутро третий сын в лес — и всё с ним, как со старшими братьями, вышло. Тоже не нашёл небывалого зайца, а Ване уж не двести, а триста рублей заплатил. Разбогател Ванюша за три дня.

А барин со злости на стенку лезет.

— Вот, — кричит, — детки-то у меня — одна радость. Один другого глупее! Зайца отцу добыть не могут. Ладно! Завтра сам в лес пойду!

И пошёл. Приходит в лес, видит — сидит Ваня на пеньке, играет на дудочке, а зверей вокруг него — видимо-невидимо. Да и не только белки, зайцы, ёжики — сегодня тут и волки, и рыси, и медведи собрались. А небывалый заяц опять у самого пенька пляшет.

Завопил барин от радости, кинулся к нему, а Ваня и говорит:

— Нет, барин, погоди. Вспомни, как ты меня обидел и других бедняков обидеть рад. Все эти звери меня слушаются. Вот скажу сейчас слово — волки, рыси и медведи все на тебя кинутся. Тут тебе и крышка будет.

Перепугался барин, на колени повалился.

— Миленький, — кричит, — чего хочешь бери, только не погуби! Хочешь, сто тысяч выпишу?

— Ладно, — Ваня говорит, — давай! Нас, бедняков, в деревне много, поделимся.

Отдал барин Ване половину своего богатства. Да ещё рад был, что подобру-поздорову ноги унёс. Про небывалого зайца и не вспомнил.

А Ваня свою чудесную дудочку до самой смерти пуще глаза берёг. Если так-то подумать — велика ли штука дудочка? Пустяк! Да ведь не в самой дудочке, а в песне да в мастерстве игрока сила.

Кто сказку слушал,
Тот мёду покушал,
А кто не слушал да зевал, —
Тот пустое блюдо полизал!

СОДЕРЖАНИЕ

Курочка ряба. *Обр. К. Ушинского* 3
Репка. *Обр. О. Капицы* 4
Теремок. *Обр. А. Толстого* 4
Петушок и бобовое зёрнышко. *Обр. О. Капицы* 6
Колобок. *Обр. К. Ушинского* 7
Лиса, заяц и петух 9
Волк и козлята. *Обр. А. Толстого.* 10
Маша и медведь. *Обр. М. Булатова* 12
У страха глаза велики. *Обр. М. Серовой* 15
Кот, петух и лиса. *Обр. М. Боголюбской* 15
Девочка и лиса. *Обр. О. Капицы* 18
Как аукнется, так и откликнется. *Обр. К. Ушинского* . . . 19
Лисичка-сестричка и серый волк. *Обр. О. Капицы.* 20
Лиса и козёл. *Обр. О. Капицы* 22
Лисичка со скалочкой. *Обр. М. Булатова* 22
Жихарка. *Обр. И. Карнауховой* 24
Крылатый, мохнатый да масленый. *Обр. И. Карнауховой* . 26
Солнце, Месяц и Ворон Воронович. *Обр. М. Булатова* . . . 28
Петушок — золотой гребешок и чудо-меленка. *Обр. М. Булатова* 30
Снегурочка. *По народным сюжетам* 32
Гуси. *Обр. К. Ушинского* 34
Не плюй в колодец — пригодится воды напиться. *Обр. К. Ушинского* 36
Хаврошечка. *Обр. А. Толстого* 38
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка. *Обр. А. Толстого* . 41
Царевна-лягушка. *Обр. А. Афанасьева* 43
Сивка-бурка. *Обр. М. Булатова* 48
Кот, козёл да баран 54
Волк-дурень 56
Пузырь, соломинка и лапоть 59
Ивашко и ведьма 59

Морозко 63
Марья Моревна 65
Морской царь и Василиса Премудрая 74
Как лиса училась летать. *Обр. А. Толстого* 82
Лиса и кувшин. *Пересказ К. Ушинского* 82
Медведь и лиса. *Обр. А. Толстого* 82
Кот и лиса. *Обр. А. Толстого* 84
Зимовье зверей. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»* 87
Мужик и медведь. *Обр. А. Толстого* 89
Медведь — липовая нога. *Обр. А. Толстого* 90
Кузьма Скоробогатый. *Обр. А. Толстого* 91
Мальчик с пальчик. *Обр. А. Толстого* 96
Глиняный парень. *Обр. А. Толстого* 97
Кривая уточка. *Обр. А. Толстого* 99
Волшебное кольцо. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»* 99
Безногий и слепой богатыри 112
Чернушка. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина* 122
Девушка в колодце. *Из сборника И. В. Карнауховой* . . . 124
Козёл. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина* 126
Иван-царевич и серый волк. *Обр. А. Толстого* 128
Финист — ясный сокол. *Из сборника «Сказки А. Н. Корольковой»* 134
Белая уточка. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»* 141
Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. *Обр. А. Толстого* 143
Сказка о молодильных яблоках и живой воде. *Обр. А. Толстого* 159
Хрустальная гора. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»* 171
Чудесная рубашка. *Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»* 174
Никита Кожемяка. *Пересказ К. Ушинского* 178
Иван — крестьянский сын и чудо-юдо. *Пересказ М. Булатова* 180
Змей и цыган 188
Не любо — не слушай 191
Чудо-чудное, Диво-дивное. *Обр. Н. Колпаковой* 194
Самое дорогое. *Обр. Н. Колпаковой* 200
Дудочка-звонкогудочка. *Обр. Н. Колпаковой* 201

Р89 Русские народные сказки.— Мурманск: Кн. изд-во, 1981.—208 с.

Переиздание широко известных русских народных сказок для детей младшего школьного возраста.

Р $\frac{70700\text{-}10}{\text{М150(03)-81}}$ 23-81

ББК 82.3р-6
РФ

Для детей младшего школьного возраста

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор Г. П. Бритвина
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор Т. В. Кабанова
Корректор В. П. Рябинина

Сдано в набор 17.09.80. Подписано в печать 27.02.81. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,81. Тираж 160 000 экз. (2-й завод 80 001 — 160 000 экз.). Заказ 823. Цена 60 коп.
Мурманское книжное издательство, *г. Мурманск, пр. Ленина, 100.* Сортавальская книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР, *г. Сортавала, ул. Карельская, 42.*